

ЗАМЫСЕЛ, УВЫ, НЕ ТОЧКА...

«Вымысел не есть обман. Замысел – ещё не точка. Дайте дописать роман до последнего листочка...» – эти слова российского барда переключаются с судьбой земляка писателя Сергея Павлова. Более пятнадцати лет отдал он созданию эпического художественного полотна, повествующего о нескольких поколениях семьи Кузнецовых, живших в Кузбассе.

Увы, замысел не был доведён до точки. И теперь, когда Сергей Павлов покинул этот мир, необходимо познакомить читателей с последними наработками завершающей пенталогии книги.

Помню, как Сергей делился замыслами последней части «Кузбасской саги», события которой должны были касаться последних лет власти Советов, и перестройки с горняцкими забастовками, и постсоветского времени. Здесь наряду с вымышленными персонажами вступали в действие вполне реальные люди, включая лидеров шахтёрского движения и первого губернатора Кемеровской области. А в финале романа автор собирался вернуться к самому его началу, к тому замечательному образу, где «луна, словно царский империял, висела в ночном небе над маленьким селом Урским, надёжно спрятанным от большого мира в глухой сибирской тайге». Кроме того, там вновь появлялся и волк с рваным ухом. И вырисовывалась в этих символах уже наша, современная Россия, со всех сторон окружённая недругами, будто стайей злобно-голодных, потрёпанных, но наглых волков.

Как знать, куда бы вывела писателя его творческая фантазия, как знать... А сейчас можно уверенно говорить лишь о тех фрагментах заключительной части «Саги», которые сохранились в компьютере Сергея Павлова. Конечно, автор ещё не раз возвращался бы к написанному, делая правки и внося дополнения. Об этом красноречиво свидетельствуют выделенные жирным шрифтом вставки-вопросы в тексте черновика, требующие уточнений. Подчеркну, что именно в деталях, конкретике автор был очень щепетилён, ведь писалась «Кузбасская сага» в лучших традициях реализма.

В последней, незавершённой части эпопеи мы попадаем в годы брежневского застоя: конец шестидесятых, когда выпускник КузПИ (представитель уже шестого поколения Кузнецовых – Виктор Егорович) приезжает по распределению на шахту в те самые места, где и родился, – в город Белово.

Автору «Кузбасской саги» Сергею Павлову не понаслышке известно, как чёрное золото добывается из недр земных. Что такое штрек, клеть, лава, забой, капёж, кливаж, он тоже прекрасно знает. Ведь в бытность свою журналистом газеты «Голос шахтёра» Сергей не раз спускался под землю.

А однажды на шахте «Чертинская» ему и в самом деле довелось помогать бригаде А. В. Орловского устанавливать мировой рекорд по суточной добыче угля.

Надо отметить, что на шахте трудились и его родители – Михаил Григорьевич и Ирина Иосифовна. Кстати, шахтёр-электрослесарь Михаил Павлов появляется и на страницах «Кузбасской саги».

Подземный труд шахтёра требует изрядных физических затрат, а подкрепиться можно только на рабочем месте. Вот и спускаются горняки в забой с тормозками. И совершенно не случайно в данном фрагменте «Саги» автор подводит читателей к предтече забастовки горняков всего Кузбасса – пока лишь к демаршу звена ударной бригады Героя Соцтруда Путры, отказавшегося спускаться в забой из-за того, что им не досталось колбасы для тормозков.

Шахтёрская тема далеко не нова для кузбасской литературы. С нею пришла общесоюзная известность и признание к А. Н. Волошину («Земля Кузнецкая»), нельзя не вспомнить роман Г. М. Молостнова «Голубые огни». По-своему решалась эта тема в прозе Виталия Рехлова, Владимира Куропатова, Владимира Мазаева, Виктора Чугунова, Николая Ничика и других авторов.

А вот как Сергей Павлов в «Саге» устами председателя шахткома Алексея Михно говорит о горняках, высказывает им главное пожелание: «Чтобы в жизни шахтёров было побольше светлых, весёлых дней, пусть вот так, за столом, с друзьями! Они же большую часть жизни проводят в темноте, среди холодного камня. Комбайн железный и тот ломается, а что ты хочешь от живого человека?»

И уж если решился показать труд и быт шахтёров, надо быть честным во всём! В том числе и в описании проблем. Ведь те же самые шахтёры Кузбасса, доведённые тупостью системы власти до отчаяния, явились катализатором смены общественного строя во всей стране. Отразить это тоже было в задумках автора «Саги».

Главный герой заключительной части эпопеи Виктор Кузнецов проживает многое из того, что происходило в реальности с самим автором. А на последних страницах незавершённого произведения имеется явный намёк на возможный переход бывшего комсомольского вожака в правоохранительные органы. Тут прямая параллель с биографией Сергея Павлова, который после окончания института трудился в шахтёрской многотиражке, а в дальнейшем посвятил себя работе в МВД и прокуратуре.

Но всё это теперь может лишь дорисовывать фантазия читателя...

Виктор АРНАУТОВ, октябрь 2020 г.

Книга 5

ШАХТЁРСКОМУ РОДУ НЕТ ПЕРЕВОДУ

ГЛАВА 1

Шестидесятые годы в советской угольной промышленности стали тем временем, когда на шахтах страны подземное хозяйство повсеместно переводилось на механизированную добычу угля. Технологическая революция, именно так называли тогда этот процесс, обещала дать огромный рост производительности труда горняков, невиданные прорывы в процессе угледобычи. Беловский рудник оказался на передовой этих преобразований: здесь были поставлены первые рекорды механизированной добычи топлива, именно здесь громко зазвучали имена шахтёров Николая Путро, Николая Бизина, Николая Малютина, Анатолия Орловского. Выпускники Кузбасского политехнического института, направлявшиеся после получения дипломов на шахты Кузбасса, знали о проходящих в угольной отрасли преобразованиях и потому готовили себя к нелёгкой и ответственной работе.

6

Любой приезд в Белово отзывался в душе у Виктора какой-то невыразимой грустью, скорее щемящей тоской по тем временам, когда он жил здесь, по тем людям, с которыми провёл детство и юность. Это он замечал за собой уже тогда, когда студентом приезжал из Кемерово к родным в старый деревянный барак на Новом Городке, позднее, когда проходил практику на шахте «Чертинская» (в отмеченном трагической печатью шестьдесят шестом году), и потом, когда с тёткой Натальей Кузьминой приезжал на могилы близких. Два года минуло с той поры, и вновь у него свидание с малой родиной, но теперь он здесь как совсем взрослый человек, как специалист, прибывший к месту работы. Но всё так же где-то под сердцем он чувствовал лёгкую щемящую боль. Она тревожила его, звала в начало шестидесятых, словно подсказывала, что ему обязательно нужно поклониться родным могилам, навестить тот самый старый барак, из которого он, мальчишка шахтёрского посёлка, совершил смелый и отчасти неожиданный рывок в инженеру.

Когда Виктор ехал на автобусе из Кемерово, для себя решил, куда пойдёт в первую очередь, с кем обязательно встретится. Впрочем,

встречаться-то ему особо было не с кем: из школьных друзей остался только Дёма, да и тот сейчас в Кемерове, а с другими одноклассниками он практически потерял всякую связь. За те три неполные недели производственной практики на «Чертинской» новых друзей он здесь не нашёл. Оставалась только Ульяна Васильевна.

«Найду Ульяну Васильевну, если не съехала ещё на другую квартиру, передам привет от Дёмы, расскажу, как он устроился на шахте. Ведь он, поросёнок, после окончания института только неделю-то и пожил у матери вместо трёх ему отведённых на отдых, поспешил на место новой работы, где якобы его уже ждут не дожудтся! Расскажу, как начал он трудовую карьеру. С ним встречались всего пару дней назад – свежий будет привет для матери. А может быть, даже придётся переночевать у неё пару ночей, пока не выделят общежитие», – размышлял молодой инженер Виктор Егорович Кузнецов, размашисто шагая с чемоданом в руке от клуба «Горняк» по знакомой асфальтированной дороге, упирившись на излёте в административно-бытовой комбинат шахты «Чертинская». Широкое полотно плавно шло под уклон, позволяя одинокому путнику на ходу перебирать в голове разные мысли.

Начальник отдела кадров на шахте встретил его как старого знакомого и, внимательно изучая предоставленные документы, задавал вопросы, пытаясь понять, с каким настроением прибыл молодой специалист на новое место работы. Неожиданно он замолчал, внимательно вчитываясь в одну из бумаг. Виктор понял, что это была его характеристика.

– Ты, Кузнецов, посиди пока тут, а я сейчас. – Кадровик, захватив характеристику и диплом, поспешно вышел из кабинета, но уже через пару минут вернулся с пустыми руками и, заговорщически улыбаясь, заявил: – Ты собери-ка со стола все свои бумаги и ступай в партком, а чемодан твой пусть пока у меня побудет, я его, так и быть, покараулю, не волнуйся...

– А зачем мне в партком? – удивлённо спросил Виктор. – Я же пришёл устраиваться на шахту.

– А я тебя куда посылаю? В колхоз, что ли? В партком шахты. Там тебя ждёт Александр Григорьевич Маркин. Помнишь такого?

– Помню... Так он же работал...

– Да, работал. А сейчас – наш партийный секретарь! Ну ты иди, иди. Он ждёт тебя.

– Виктор Егорович Кузнецов? – приветливо встретил его Маркин. – Отучился, значит? Хорошо! Молодец! А ты готов поддержать начинание наших горняков?

– Кого вы имеете в виду?

– Как это «кого»? Вся страна знает наших передовиков: Николая Петровича Бизина, Николая Максимовича Путро, Анатолия Владимировича Орловского. Наши, беловские, между прочим! А ты, похоже, и не знал?

– Да нет, что вы, Александр Григорьевич, конечно, я знаю их. Меня даже преподаватели на экзамене подробно расспрашивали, мол, расскажи про земляков.

– Ну а ты?

– Я и рассказал, что знал... из газет. Путро-то я видел на шахте не раз, даже разговаривать приходилось, Орловского. А вот Бизина я совсем не знаю, он же на «Южной» работал... Но всё равно рассказал.

– Работал и сейчас работает. А то, что не растерялся и рассказал о своих земляках, – молодец! Такими героями гордиться надо!

– А я и так горжусь, – проговорил Виктор, продолжая стоять у торца стола напротив парткома, не решаясь присесть.

Маркин, спохватившись, махнул ему рукой:

– Да ты не стой столбом, присядь, да поближе ко мне: разговор-то будет длинный и серьёзный.

Так же, как и кадровик, Маркин внимательно рассматривал документы Виктора, задавал вопросы, но, похоже, самые главные были ещё впереди.

– Так, оценки по предметам у тебя хорошие. Характеристика прекрасная: «Показал твёрдые знания учебных дисциплин. Выдержанный, умеет анализировать и быстро принять правильное решение, умеет работать с коллективом. Пользуется доверием товарищей, инициативен. Проявил незаурядные журналистские способности, его материалы регулярно публиковались в институтской многотиражной газете «Горняк», а также областных газетах». Всё хорошо, Кузнецов, а отправлять тебя механиком в забой не хочется.

– Это почему? – удивился Виктор.

– А потому, что у нас все механики на месте. Горным мастером пойдёшь?

– Если ненадолго, то пойду...

– Как покажешь себя, то и получишь. Или ты сразу хочешь возглавить участок? Сознаться!

– Сразу не хочу! У меня же опыта нет.

– Разумно рассуждаешь. Ну а если мы тебе другую работу предложим на шахте?

В это время на столе требовательно зазвонил телефон.

– Да, Виктор Евгеньевич, я вас слушаю... – Маркин встал со стула и теперь разговор продолжал стоя. – Да... Понимаю... Работаем... Обязательно! Да, прямо сейчас... Да, у меня он... Ну, готовься, Виктор Кузнецов, – сев, обратился к нему парторг.

Виктор недоумённо смотрел на него, ожидая пояснений, но тут дверь распахнулась, в кабинет стремительно вошёл невысокого роста мужчина, крепкого телосложения, с сердитым выражением лица. При появлении Брагина Маркин и Кузнецов мгновенно оказались на ногах.

– Ну что это такое, Александр Григорьевич? Второй день звонки из горкомов мне летят: вчера – из горкома комсомола, а сегодня уже из горкома партии. Мол, почему у вас на шахте работа с молодёжью на таком уровне?! Самая крупная шахта на руднике, а комсорга уже полгода нет, недобор по взносам, никакой связи с милицией, нет этих... оперативных комсомольских отрядов! На всю шахту одна комсомольско-молодёжная бригада, хотя на «Пионерке» их три, на «Южной» – две.

Высказав негодование, мужчина чуть сбавил тон и уже тише спросил, указывая кивком в сторону Виктора:

– Это ты про него мне говорил? Ну, и до чего договорились?

– Да вот обсуждаем вопросы трудоустройства молодого специалиста, Виктор Евгеньевич.

– Ты пока разговоры здесь разговариваешь, мне горкомы голову мылят! После таких разговоров можно запросто и лысым стать. Так, нет, молодой человек?

Только теперь Брагин перевёл взгляд на Виктора, на лице появилась улыбка.

– Ба, да это же наш старый знакомый! Тёзка! Виктор... – он на секунду задумался, – Кузнецов, кажется?

– Так точно, Виктор Евгеньевич. – Похоже, молодой человек был удручён всем происходящим в кабинете и чувствовал себя скованно.

– «Так точно». После армии, что ли?

– Никак нет, на военных сборах был.

– А-а, тогда понятно! Значит, будущий офицер! Ну садитесь, что вскочили?

– Так вот, я объясняю молодому человеку, что электромехаников у нас полный комплект,

а вот комсорга нормального не можем подобрать. Хороший был, да без высшего образования, а теперь нужен диплом. А тут у Кузнецова такие характеристики, что хоть в горком сразу направляй: грамотный, принципиальный, хороший организатор...

– Так в чём дело, тёзка? – Брагин всем телом повернулся к Виктору и теперь в упор буравил его серыми глазами. – Почему не хочешь попробовать себя на общественно важном участке работы? Или боишься ответственности? Как помню, ты не испугался, когда у нас в шахте рвануло. А что сейчас робеешь?

– Да не робею я, Виктор Евгеньевич. Я ещё ничего не успел ответить Александру Григорьевичу... Я думал.

– А вот это хорошее качество! Когда человек думает, он меньше глупостей делает. Так, значит, уговорили мы тебя с парторгом? Так, нет?

– Наверное, так... – пожал плечами Кузнецов.

– Ну и лады! Ты, Александр Григорьевич, определи его пока горным мастером на второй участок, там вроде вакансия, а через месяц проведём отчётно-выборное комсомольское собрание и предложим его в комсорги.

– Виктор Евгеньевич, мне надо шахтового опыта набираться, я же не буду всю жизнь комсомольцем?

– Всю жизнь, конечно, не будешь, а придёт срок – примем тебя кандидатом в члены партии. А там сам выбирать будешь: производство или партийная работа, – пояснил Маркин.

Брагин жестом остановил парторга, обратился к Виктору:

– Про опыт работы на шахте ты правильно заметил. Но ведь ты же здесь будешь работать, два раза в неделю должен будешь спускаться в шахту, на планёрках будешь, на собраниях участковых – вот и наберёшься опыта, узнаешь производство в масштабах шахты, с людьми научишься работать. С гаечным ключом пусть слесаря ходят, а ты – инженер, значит, должен головой работать, смотреть на шахтовые проблемы шире и глубже. Ты думаешь, я не прошёл эту школу или Александр Григорьевич? Несколько лет поработаешь с людьми, втянешься в жизнь коллектива, а там, глядишь, пойдёшь вверх, ты же ещё молодой. Сколько тебе лет?

– Двадцать три.

– Прекрасный возраст. А в комсомоле у нас состоят до двадцати семи лет, кажется, Александр Григорьевич?

– Точно так.

– Ну вот, поработаешь три – пять лет, поднимешь работу, а там, может быть, и в парторги, главные инженеры. А то, может, сразу меня заменишь, а? – Последние слова Брагин произнёс уже с широкой улыбкой на лице. – Ну, ладно, беседейте тут, только поясни молодому человеку, какие его задачи ждут, отомобилизуй да позвони в горком Чернову, успокой, а то ведь снова будет мне названивать! Да переговоры с нашим комендантом, чтобы Виктору выделили в общежитии отдельную комнату: как-никак будущий комсомольский командир.

Брагин встал из-за стола, давая понять, что разговор окончен, пожал руку Виктору и направился было к двери, но задержался на мгновение.

– Познакомь его с нашими старыми комсомольцами, с Колей Толстых обязательно. Да пусть его и Михно привлекает по своим профсоюзным делам. Он хорошо умеет с людьми ладить, да и Виктору какая-никакая помощь будет. Удачи, тёзка! А если что-то неясно или какие-то проблемы будут одолевать – бегом к парторгу! Он теперь твой отец родной. Ну а если совсем плохо будет – ко мне стучись. Я Валентине Васильевне подскажу, чтобы она тебя не мариновала в приёмной. Удачи!

Когда Брагин вышел из кабинета парторга, Виктор облегчённо вздохнул, а Маркин засмеялся:

– Что, напряжённый разговор получился? Тот же. Начальник у нас реактивный и... строгий, всех в тонусе держит!

Получив от парторга три дня на решение вопросов с жильём и пропиской, Виктор рьяно взялся за обустройство первого собственного домашнего очага: ни отца, ни бабушки, ни деда, даже студенческих друзей, на кого можно было бы взвалить часть забот, рядом не было – всё сам!

Передав необходимые документы в отдел кадров шахты и решив вопрос с пропиской, весь следующий день Виктор приводил в божий вид комнату, до этого пустовавшую несколько месяцев. У коменданта получил кое-какую мебель. Только после этого он решил навестить мать своего друга Дёмы. Третий его свободный день выпал на воскресенье. Ульяну Васильевну он нашёл в том же бараке, в той же комнатёнке.

За прошедшие два года она заметно постарела, осунулась, а мелкие паутинки морщинок вокруг глаз и у рта делали её похожей на добрую старушку фею из детских сказок.

Расцеловав гостя, Ульяна Васильевна усадила его за стол и принялась угощать домашними разносолами, а Виктор тем временем без умолку рассказывал о житье-бытье её сына, о том, как тот устроился на шахте. Но чем больше он говорил, тем больше мрачнело лицо женщины, пока в глазах не заблестели слёзы.

– Тётя Уля, что с вами? Что-то не так?

– Всё так, да только это я должна была услышать от него самого. Ведь уже два месяца, как уехал, и ни строчки не написал, ни звонка не было, хотя я дала ему номер нашей диспетчерской на хлебозаводе.

«Вот гад Дёма, – подумал Виктор, – при встрече я ему шею-то намылю!» – и принялся успокаивать расстроенную мать:

– Тётя Уля, закрутился ваш Дёма, новая работа, с жильём надо всё решать... На участке у них проблемы с планом, а мне он так и заявил: «Как только квартиру дадут, то сразу мать перевезу к себе. А не получится с квартирой – домик купим и будем жить вместе».

– Ой, Витя, не ври! Защищаешь дружка...

– Ей-ей, тётя Уля, он так и говорит, что без мамы мне никакой жизни не будет!

Теперь Ульяна Васильевна уже улыбалась сквозь слёзы, наблюдая, как сидящий напротив молодой красивый парень выгораживает непутёвого сына.

– Ну, ладно, Витя, успокоил ты меня, так оно и есть, наверное. Мы сейчас с тобой, если ты наелся, поедем на кладбище. Ты ведь почитаешь два года уже не был на могиле у родных?

– Всё так, тётя Уля. Учёба, диплом...

– Вот и съездим сейчас, как раз скоро автобус шахтовый пойдёт в ту сторону.

Разрослось чертинское кладбище, с тех пор как Виктор был здесь в последний раз. И не нашёл бы, наверное, родных могил, но Ульяна Васильевна уверенно находила дорогу среди заросших травой, зачастую просевших захоронений. Остановилась перед большим памятником, огороженным металлической оградой, выкрашенной в серебристый цвет. Подножие памятника было закрыто букетами и корзинами с цветами.

– Здесь покоятся те шахтёры, что погибли тогда при взрыве. Ты же помнишь, наверное?

– Конечно, Ульяна Васильевна, я же тогда был на шахте...

Женщина выпрямилась, закрыла глаза и шёпотом принялась читать молитву. Виктор стоял рядом и растерянно смотрел то на памятник, то на молящуюся женщину, потом вдруг мимолётно перекрестился, как его в детстве учила Алёна Ивановна, и опасливо огляделся: не дай бог, кто заметит – комсомолец, а крестится.

На месте захоронения родных он тоже обнаружил значительные изменения. Поначалу могилка его отца много лет одиноко ютилась за пределами кладбища, но два года назад, словно желая скрасить её одиночество, рядом нашли себе последнее пристанище дед Никита, прабабушка Алёна Ивановна, двоюродная бабушка Мария Барбашова, в девичестве носившая фамилию Кузнецова. Так смерть соединила их всё более редующий род. Год назад, когда он приехал сюда вместе со своей тёткой Натальей Кузьминой, здесь было только четыре кузнецовские могилы. Теперь же они находились в середине длинного ряда захоронений, и уже ничто не напоминало о той одинокой могиле изгоя Егора Кузнецова.

– Видишь, Витя, всё по-людски получилось, – приглушённым голосом поясняла ему Ульяна Васильевна, – теперь твои родственники вместе с другими покоятся здесь. Вон ребёночек, совсем крошка, похоронен, а вот дед девяностолетний... Много их тут теперь! Люди говорят, что здесь Черта быстрее растёт, чем в посёлке. А старушки богомолицы, видать, знали, как твой отец помер, и теперь так говорят: «Если люди пришли к нему, значит, простил ему Господь все прегрешения, принял его душу к себе...»

Слушал Виктор рассказ пожилой женщины, а глаза сами собой наполнялись слезами, и он стал истово креститься и кланяться родным могилам.

Всю следующую неделю Виктор сидел в только что отремонтированном кабинете комитета ВЛКСМ, разбираясь с комсомольской документацией и по возможности приводя её в надлежащий вид. За тот неполный год, что шахта оставалась без комсомольского вожака, деревянный ящик с документами, похоже, побывал во многих руках, не заботящихся о порядке, часть листов была даже подмочена дождём.

Устав перебирать пыльные бумаги, Виктор не раз пытался спуститься в шахту – развеять-

ся – и пройти по знакомым уже выработкам «Чертинской», но каждый раз ему запрещали спуск: нет допуска, нет рабочего комбинезона, нет противогаза, нет ещё чего-то. И он был вынужден возвращаться к своей рутинной работе.

Видать, эти его метания дошли до парторга, потому как Маркин сам зашёл к нему в кабинет. Поинтересовавшись, как идут дела, посоветовал пока забыть про спуски в шахту.

– Придёт время – ещё находишься! Тебя скоро вызовут в горком комсомола для знакомства, проинструктируют. Спросят, как дела. Так ты уж сильно там не исповедуйся. Скажи, что часть документов пострадала при аварии водопровода – такое у всех бывает. Скажешь, что списки комсомольцев уточняем и заново составляем. Мол, идёт работа, готовимся к Дню комсомола провести отчётно-выборное собрание, а в дальнейшем приложим все силы для претворения в жизнь решений родной коммунистической партии! Примерно в таком духе, но главное – никакая конкретика.

– Это что, у вас так работают комсомольцы? – недоумённо спросил Виктор.

– А у вас в институте не так работают? – с ехидцей спросил парторг. – По-моему, сейчас слишком часто и много обо всём рапортуют, берут разные обязательства, а дела-то идут всё труднее и со скрипом.

– Да нет, Александр Григорьевич, у нас в институте работа веселее шла, огня и задора больше было...

– Ну... – смутился парторг, – люди молодые, грамотные... Всё-таки город большой. А у нас тут, ты обрати внимание, половина комсомольцев не имеют среднего образования, а самый важный вопрос у них: «Сколько получаешь?» Много – уважаемый человек, а если мало – так себе, работяга! Все просятся в бригады Путро и Орловского, где план дают стабильно, но ведь на других-то участках тоже люди работают, им тоже хочется хорошо зарабатывать! Капиталистический рубль пытается задавить социалистические принципы! Когда дойдёшь до сбора членских взносов, тогда поймёшь, как их собирать. Кстати, учёт взносов вела Валя Мохова из отдела труда и зарплаты, она уже несколько лет является членом комитета комсомола. Хорошая работница, но у неё кончается комсомольский возраст, так что придётся тебе искать ей достойную замену. – И, подводя итог разговору, он добавил: – Ты, Виктор, здорово-то не раскисай.

Слушай, критикуй, но дело делай! А зашёл я вот зачем: тебя уже завтра вызывают. Помни, о чём я тебе говорил сейчас! Беседовать с тобой, наверное, будет заведующий орготделом Виктор Просин. Он когда-то работал у нас на шахте доставщиком-такелажником, был комсоргом, но недолго. Без образования, но цепкий, чертёнок, дорос до горкома комсомола. А дату проведения собрания для согласования назови пятнадцатое – двадцатое октября – как раз перед юбилеем комсомола. К тому времени, я думаю, найдём о чём рапортовать!

В горкоме его, действительно, встретил заворг Виктор Иванович Просин. Он был старше Кузнецова, большая голова его походила на репу, на темечке вместо ботвы торчали жиденькие волосы, а с лица не сходила чуть слашавая улыбка. Зато глаза смотрели почти немигающе и, казалось, буравили собеседника насквозь.

– Ну садись, Виктор Егорович, рассказывай, как дела тебе поддаются. Сосчитал, сколько у тебя живых комсомольцев осталось? Какая задолженность по взносам? Стыд-позор: крупнейшая шахта рудника, а работа с молодёжью в полном загоне!

Уже первые слова комсомольского чиновника рассердили Виктора не на шутку, и он сразу ушёл в глухую оборону:

– Извините, Виктор Иванович. Но я на шахте ещё и месяца не работаю и за все огрехи, что совершали до меня, отвечать не собираюсь!

– Вон ты какой колючий, однако! Тебя, наверное, и критиковать даже нельзя будет?

– Если по существу дела и без язвочек разных, то можно и даже нужно критиковать, а ради красного словца да чтобы поизгаляться – лучше не надо. Делу не поможет да и обидеть можно понапрасну.

– А ты не прости, Виктор Кузнецов! Видать, пойдут дела на «Чертинской» с таким-то секретарём. А?

– И пойдут, и поедут – куда им деваться...

Заворг громко расхохотался, а глаза его сразу потеряли колючки.

– Ладно, тётка, говори, что успели уже сделать, а что ещё думаете предпринять...

Неторопливо и спокойно Виктор доложил о проделанной работе, о том, какие вопросы ещё предстоит решить.

– В двадцатых числах октября хотим провести отчётно-выборное комсомольское собра-

ние – это и будет ответом наших комсомольцев к юбилею ВЛКСМ.

– Рассказал ты, Кузнецов, всё толково, а вот с датой проведения собрания ошибся. С парткомом согласовывал?

– Да, партком дал добро.

– Согласимся и мы... А на праздничной демонстрации в честь Октябрьской революции должна быть оформлена комсомольская колонна: знамёна, портреты комсомольцев-героев, лозунги: «Даёшь комсомольско-молодёжную бригаду...» – и фамилию бригадира или звеньёвого.

– Мы хотели это указать в рапорте к юбилею комсомола...

– В рапорте вы укажете сообразительности этих комсомольских коллективов, другие полезные дела. А на собрание к вам приедем мы вторым секретарём, а может быть, и первый захочет на вас посмотреть. Вы уж там в грязь лицом не ударьте!

– Ну я не знаю, как это всё получится... – неуверенно проговорил Виктор.

В глазах комсомольского чиновника опять появились ёжики, и голос заметно посуровел:

– Значит, запомни следующее: собрание состоится пятого ноября в актовом зале шахты в двенадцать часов! Это уже не обсуждается!

«Так вот он где вылез, этот чертёнок!» Виктору сразу вспомнились слова парторга, и он невольно поёжился, но уже в следующее мгновение ответил спокойно и твёрдо:

– В двенадцать часов собрание никак не может состояться, Виктор Иванович! На него мы приглашаем комсомольцев и молодёжь из первой и второй смены. Оно должно пройти в пересменок: с тринадцати до четырнадцати часов, иначе не будет кворума. Надо же учитывать особенности нашего предприятия, Виктор Иванович?

Хоть и не было в его голосе ни злорадства, ни иронии, Просин невольно поморщился. Но согласился:

– Хорошо, Виктор Егорович, горком комсомола учитывает особенности работы вашего предприятия, а потому собрание начнётся в тринадцать часов.

Время близилось к обеду, когда выдавший виды рейсовый шахтёрский автобус остановился на площади перед зданием административно-бытового комбината «Чертинской» и, громко клацнув дверями, отправил пассажиров в про-

мозглый ноябрьский полдень. Люди постарше неторопливо направились в здание комбината, некоторые из них успевали на ходу раскурить папироску. С десяток молодых парней явно не торопились в помещение, а, сгрудившись у центрального входа комбината, устроили перекур, спешно обсуждая свои вопросы.

– Ну что, рёбё, идём, что ли, на собрание или ну его? – озвучил мучивший всех вопрос долговязый проходчик одиннадцатого участка Ковтун.

Он прикурил «Приму» и, словно подзадоривая, поглядывал на остальных.

– Да надо бы, – неуверенно отозвался слесарь Василюк с участка ВШТ. – Наш начальник сказал, что не пустит в шахту того, кто не пойдёт на собрание!

– Да ну, куда он денется, уволит, что ли, так, ни за что?

– Ну, наш-то если захочет, то всегда найдёт за что.

– И наш Афоня тоже строжился, – вставил своё слово рабочий с участка дегазации. – И что они так взъелись на комсомольцев?

– Так полгода же у нас нет комсорга, взносы не собираются, вот горком и давит на директора да парторга, а уж те – на начальников наших, а от них и нам достаётся, – пояснял Ковтун обступившим его парням. – Вон видите, стоит газик, он из горкома комсомола – значит, начальство уже к нам пожаловало на собрание, а кому охота втык получать по партийной линии?

– Ну и сходим на это собрание, проголосуем за кого надо, беды-то? – Голос крепыша Якушина из бригады Путро звучал явно соглашательски.

– Ага, а потом взносы будут собирать, субботники проводить, шефство брать над кем-нибудь. То ли дело – полгода нас никто не кантовал!

– Ты-то, Ковтун, и так ни разу на субботниках не был, в рейды не ходил. Не хочешь быть в комсомоле – сдай билет. И гуляй как хочешь. А других не сбивай с толку! – Теперь голос крепыша звучал жёстко.

– Да я бы так и сделал, но меня же сразу на отстающий участок откомандируют «в связи с производственной необходимостью» – и прощай, премия!

– Ну а что тогда хрюкаешь здесь да всех подбиваешь на саботаж? Пойдем, ребята, время уже.

Якушин взялся за ручку входной двери, но в это время она открылась и появился Михно, недавно избранный председателем шахтного профсоюзного комитета.

– Хлопцы, вы чего тут митингуете?! А ну, марш в активый зал! Сто человек ждут их, а они тут раскуривают! На свои участки не заходите, а поднимайтесь сразу в зал, идите прямо в одежду, давайте побыстрее!

Побросав окурки в урну, стоявшую у входа, и продолжая что-то ворчать себе под нос, парни вошли в здание.

В зале заканчивался подсчёт присутствующих, и, когда вместе с Михно вошла новая группа рабочих, главный счетовод громко объявил:

– Всё! Кворум есть!

Парторг Маркин, стоявший на сцене, крикнул кому-то за кулисы:

– Приглашайте гостей! Они у начальника в кабинете. – Следующие его слова уже были обращены в зал: – Всё, товарищи, успокаиваемся, рассаживаемся по местам, не забудьте, что у нас на собрании будут представители горкома комсомола!

В это время появилась ещё группа рабочих. Лица их были красны, а волосы на голове влажные.

– Опаздываем, товарищи!

– Александр Григорьевич, – отозвался один из вошедших, – воду в мойке отключали почти на полчаса, вот и припозднились...

Из-за ширмы на сцену в сопровождении начальника шахты вышли двое мужчин.

– Вот они, наши молодые герои! – отрекомендовал Брагин гостям своих комсомольцев, после чего что-то шепнул парторгу и покинул зал.

Маркин представил гостей собранию, пригласил их в президиум, усадив рядом с ними председателя шахткома Михно и ветерана-комсомольца Николая Толстых. Его же он предложил избрать председателем собрания.

Высокий, кряжистый, с открытым русским лицом, Николай какое-то время сурово и молча смотрел в зал и только потом заговорил:

– Я давно работаю на шахте, многих вас, сидящих здесь, знаю. Надеюсь, и вы меня знаете, поэтому хочу сказать вам правду, может быть, горькую, но правду... Год текущий для горняков нашей шахты был обычным, трудовым. Так же брались соцобязательства, выполнялся и перевыполнялся план по проходке и добыче угля, но наш комсомол практически не работал с начала года. Один секретарь уволился, второго сняли, а потом так и не смогли подобрать достойного кандидата. Позор, но так получилось, что некому

было даже подготовить отчёт о работе комсомольской организации за прошедший период. А если говорить честно, то и хвалиться особо нечем. Почему так случилось, сейчас мы говорить не будем – это дело серьёзное и потребует много времени. Но я уверен, что партийный комитет, вновь избранный комитет комсомола и его новый секретарь при поддержке руководства шахты и шахтного комитета проведут самый тщательный и строгий анализ ошибок и просчётов, допущенных старым составом комитета, сделают необходимые выводы и уже к юбилею ВЛКСМ мы обозначим свои планы на будущее, отразим их в рапорте ЦК ВЛКСМ. Сейчас я предлагаю отчёт о работе организации не делать, а сразу рассмотреть второй вопрос: об избрании нового секретаря комитета ВЛКСМ, а также утвердить новый состав комитета. Голосуем... Единогласно!

Николая Толстых сменил Маркин. Он пригласил на сцену Виктора Кузнецова, огласил его институтскую характеристику, зачитал оценки из диплома.

– Кандидатура Кузнецова согласована с горкомом комсомола, поэтому я передаю слово секретарю горкома Владимиру Сергеевичу Светлову. Пожалуйста...

Из-за стола президиума поднялся стройный мужчина, в сером элегантном костюме, с густой русой шевелюрой. Во время короткого выступления с его лица не сходила какая-то загадочная улыбка, словно он, представляя собранию нового человека, знал о нём всё или почти всё и теперь предлагал собравшимся узнать его так же близко, как он сам.

– Виктор Кузнецов – наш, беловский. Вашей шахтой он был направлен на учёбу в Кемеровский горный институт, а по окончании вернулся сюда. Хотя сейчас, к сожалению, нередко случается так, что выпускники не хотят возвращаться на то предприятие, что направляло его в вуз, и норовят устроиться где-то в большом городе. Но, как видим, Виктор вернулся, что называется, в родные пенаты.

Заслышав в зале небольшой шум, секретарь поспешил разъяснить значение этого слова:

– Пенаты – это родные места, родина, значит... Городской комитет надеется, что вновь избранный секретарь, если вы, конечно, поддержите его кандидатуру сегодня, сможет с вашей помощью и участием поднять работу на должный уровень, вернуть комсомольский коллектив крупнейшей на руднике шахты в ряды передовых.

Виктор никогда не чурался публичных мероприятий, всегда уверенно выступал с институтской трибуны, но сегодня, оказавшись перед лицом сотен простых и незнакомых ему людей, ежедневно рискующих жизнью ради выполнения своей, казалось бы, простой, но такой опасной миссии – дать тепло и свет людям, вдруг ступенчатся и стал с волнением ждать вопросов.

– В шахте-то был хоть раз? – прилетел из зала первый вопрос, и бритая голова Ковтуна трусливо спряталась за спины рабочих.

– Был, и не раз, в том числе и на этой шахте, где проходил производственную практику.

– Спортом занимаешься?

– Боксом занимался, играл в футбол за сборную факультета.

– О-о! Бокс – это хорошо! – опять раздался игривый голос Ковтуна.

– Ага, ты ещё поговоришь сегодня – точно, в лоб заработаешь.

Это осадил говоруна Павел Лисьев, коренастый парень с РМУ, ранее возглавлявший оперативный комсомольский отряд. Его слова вызвали смех в зале.

– Посерьёзнее, хлопцы, вы не у себя в раскомандировочной. – Михно встал из-за стола, готовый успокоить развеселившуюся молодёжь. – Вопросы задавать только по существу.

– В родне шахтёры были?

– Отец, дед и прабабушка работали на шахте... На «Пионерке».

– Что, и сейчас работают?!

– Дед и прабабушка умерли, а отец погиб в шахте...

Наступила внезапная тишина, чем и воспользовался председатель собрания Николай Толстых:

– Вопросы закончились. Всем всё ясно, будем голосовать. Кто за то, чтобы Виктора Егоровича Кузнецова избрать секретарём комсомольской организации шахты «Чертинская»? Внимание, счётчики, считаем... Так, единогласно! Или ты против, Ковтун?

– Я не против, но голосовать хочу тайным голосованием.

Толстых с недоумением оглянулся на Маркина и спросил вполголоса:

– Александр Григорьевич, что делать с этим баламутом? Что-нибудь да выдумает.

– Не обращай на него внимания. Огласи список нового состава комитета и ставь на голосование.

– Так, товарищи, из президиума поступило предложение избрать комитет ВЛКСМ в количе-

13

стве восьми человек. Будут ещё какие-то предложения, отводы, самоотводы?

– У меня предложение голосовать закрытым голосованием! – Это опять Ковтун вскочил с места и теперь оглядывался по сторонам, ища поддержки в зале.

– Да что ты с ним будешь делать! – ругнулся Маркин и поспешил на выручку Николаю Толстым: – Это чистой воды демагогия. Потому что для тайного голосования нужны бюллетени, урна и много ещё чего. А у нас уже вышло время, второй смене надо спускаться шахту, вон уже начальники пришли за вами...

– Хорошо, товарищи, – снова заговорил председатель собрания, – предлагаем включить в состав комитета Валентину Мохову (отдел труда и зарплаты). Мы все её хорошо знаем – честный и ответственный человек... Валя, ты не будешь возражать против этого?

Сидевшая в первом ряду миловидная женщина позднего комсомольского возраста смущённо поднялась с места и негромко сказала:

– Я могла бы, но ведь мне уже...

– Никаких но. Валентина Сергеевна, это будет первое твоё партийное поручение! – подвёл итог дискуссии парторг. – Голосуем за список!

– Практически единогласно, – объявил результат Николай Толстых, – лишь трое воздержались. Собрание считаем закрытым, все свободны... Кроме Ковтуна. Да-да, я сказал: Ковтуна. С ним мы сейчас проведём тайное голосование! Давай, Слава, поднимайся сюда!

Он едва сдерживал улыбку, увидев, какая испуганная гримаса появилась на лице не в меру болтливового комсомольца. А когда тот опрометью бросился из зала, вслед ему раздался общий громкий смех.

– Да, весело прошло у вас собрание, – с лёгкой усмешкой проговорил секретарь горкома, подходя к группе, где были Маркин, Михно и Толстых. – Работы пока никакой, но оптимизма хоть отбавляй! Завидное качество!

– Владимир Сергеевич, – заговорил Николай Толстых, – вы уж извините, что мне так пришлось заканчивать собрание. Я давно на шахте и с этими комсомольцами работал не один год. Уверен, что всё наладится, ребята всё поправят!

– Ну раз так, то пойдёмте, товарищи, поздравим вновь избранного комсомольского вожака, его комитетчиков. И, как говорится, в добрый путь!

Так в жизни Виктора Кузнецова начался новый этап – комсомольский.

Виктор всегда считал себя реалистом и потому был уверен, что погружение в мир простых работяг пройдёт для него легко и быстро. На чём строилась такая уверенность, он, наверное, и сам не смог бы объяснить. Отца он помнил мало, ведь ему было только семь лет, когда того вдруг не стало: ушёл на работу и не вернулся. А с шахтой маленький Витя знакомился самостоятельно, когда с пацанами играл в войну на лесном складе «Чертинской-2-3» или на кладбище старой техники, издавдалека наблюдая за рабочими, что поднимались на поверхность из-под земли и перво-наперво жадно затягивались дымом папирос.

Такие догляды со стороны, конечно, не позволяли ему услышать их разговоры, понять настроения и привычки. Деда же в шахтёрской робе он вообще не видел и до самого их переезда на Новый Городок считал, что тот работает где-то конюхом, поскольку часто появлялся и уезжал из дома на серой смиренной кобылке Милке, запряжённой в телегу с большим коробом, из которого всегда вкусно пахло хлебом. И рабочие автобазы, где дед работал позднее, мало походили на тех горняков, за которыми он с друзьями подглядывал на шахте. Обыкновенные работяги, каких он видел и на стройке, и на хлебозаводе, разве были они чуть почумазее. Да и слышать их Виктору приходилось редко, тем более разговаривать с ними. А самым разговорчивым на автобазе был дед Степаныч, сторож, что неотлучно находился на центральных воротах. Но уж он-то, старый балагур, совсем не походил на мужиков-шахтёров с суровыми и неулыбчивыми лицами. Тем не менее была у Виктора какая-то внутренняя уверенность, что он быстро поймёт этих мрачноватых на вид углекопов, да и те, надеялся, тоже поймут, что он, Витька Кузнецов, свой в доску парень, что с ним можно идти хоть в шахту, хоть в разведку...

В оставшиеся до юбилея комсомола дни он не без помощи парткома, шахткома и ребят из комитета комсомола успел подготовить праздничный рапорт комсомольцев крупнейшего на руднике предприятия, где говорилось, что они организовали на шахте два новых комсомольско-молодёжных коллектива: звено на очистном участке и бригаду проходчиков, возродили оперативно-комсомольский отряд, выпустили целый номер «Голоса шахтёра», посвящённый юбилею, прове-

ли субботник по расчистке конвейерного штрека на одном из участков, выпустили праздничную стенгазету. Рапорт был красиво оформлен шахтовым художником и помещён в кожаную папку цвета кумача с барельефом вождя мирового пролетариата на лицевой стороне. Виктор лично доставил его в горком комсомола.

Встретивший его там заведующий организационным отделом Просин долго и внимательно изучал содержимое папки, а затем, захватив её с собой, куда-то вышел, оставив Виктора в кабинете одного. Через несколько минут он вернулся и с порога заявил:

– Поднимайся, пойдём к первому. Геннадий Нилович ждёт.

Ни испуга, ни особого волнения на лице Виктора не отразилось, что, похоже, удивило заоргга. Коротко хмыкнув себе под нос, он повёл комсорга за собой.

Ранее никогда не бывавший в такого рода учреждениях, Виктор, стараясь не выказывать любопытства, осторожно осматривал кабинет первого секретаря. Просторный, с огромными светлыми окнами, завешенными красивым тюлем, он напомнил ему кабинет начальника их шахты: такой же большой полированный стол стоял у дальней стены комнаты, за ним – развёрнутое красное знамя, портрет вождя на стене. По левую сторону от стола, вдоль стены, покорно вытянулся ряд столов поменьше и попроще с задвинутыми под них мягкими стульями.

«Наверное, президиум здесь заседает, а то и пленумы проводят», – успел подумать Виктор.

Хозяин кабинета с кем-то разговаривал по телефону, поэтому у Виктора было время продолжить изучение как обстановки кабинета, так и самого секретаря. Это был мужчина лет тридцати, жгучий брюнет, невысокого роста, крепкого телосложения. Телефонный разговор, похоже, был ему приятен, потому что он всё время улыбался, а то и слегка посмеивался. Не переставая говорить в трубку, он махнул им рукой, и Просин прошептал, что можно сесть за стол, на котором уже лежала кумачовая папка с праздничным рапортом шахты «Чертинская».

Закончив наконец разговор, первый повернулся к гостям, а затем подошёл к Виктору и крепко пожал ему руку. Несмотря на то что секретарь шагал стремительно, Виктор всё же успел вскочить на ноги, памятуя ещё со студенческих лет, что больших начальников и старших уважаемых людей всегда нужно приветствовать стоя.

– Заочно мы уже знакомы, Виктор Егорович, потому как Светлов и вот Виктор Просин докладывали мне о вашем собрании. Наверное, и ты слышал немного про меня? Я сразу на «ты», потому как у нас в комсомоле принято так обращаться к своим коллегам в приватной обстановке: Витя, Петя, Коля...

– Геннадий Нилович, вы считаете, что у нас сейчас приватная обстановка? – с простоватой улыбкой на лице спросил Виктор.

Секретарь неожиданно весело рассмеялся и ещё раз пожал руку Кузнецову.

– Молодец, Виктор Егорович! Ловко ты подметил, что ситуация сейчас не совсем приватная, и ты, наверное, Геной меня не назовёшь. Ну да ладно, поработаем вместе, обзнакоимся поближе, может, и ситуации приватные появятся. Садись!

Он вернулся на место, взял в руки рапорт.

– Времени у тебя было совсем немного, но сделал ты немало, что даёт надежду, что комсомольская работа на шахте будет на должном уровне. Костяк у вас хороший был, но подросли ребята, кто в партию вступил, кто женился, кто уехал... Коля Толстых всегда в передовиках ходил. Он и сейчас там без дела не сидит. Обращайся к нему, думаю, в помощи не откажет. Начальник вашей шахты порядок любит во всём – бери с него пример! Маркин и Михно ещё недавно возглавляют свои организации, но уже заявили о себе как люди опытные, энергичные – помогут! А возникнут комсомольские проблемы – прямо к Виктору. Он тоже бывший ваш комсорг. Не справитесь вдвоём – стучитесь ко мне. Всегда приму! Но надо так, чтобы на Четырнадцатой областной комсомольской конференции ваша шахта зазвучала как передовая на руднике, а то что же получается: бригады ваши рекорды ставят, того и гляди свои Герои Соцтруда появятся, а о комсомоле ни слуху ни духу? Так не пойдёт! Впрягайся в работу и твори, а мы всегда поддержим!

Из кабинета первого Виктор вышел в хорошем расположении духа, но Просин, поняв его настроение, не преминул внести свои коррективы в результаты этой встречи:

– Ты думаешь, что первый всегда такой добрый, что шутить будет с тобой?

– А почему нет?

– За каждый пролёт в работе он с тебя три шкуры сдерёт!

– Ну уж сразу все три? – ошетинился Виктор.

Он не любил, когда с ним начинали разговаривать в таком тоне.

15

– Ну не сразу, конечно, – усмехнулся зав-
орг. – Первую-то шкуру с тебя снимет твой парт-
орг, вторую – я с божьей помощью, ну а если и
это не поможет, то третья будет на совести Ген-
надия Ниловича. Так-то, Виктор Егорович!

– Ну ладно, Виктор Иванович, тогда я пойду,
пока ты не начал с меня шкуру снимать! Хорошо,
что предупредил! Я поехал, однако! – И, не по-
давая руки, он направился к двери.

– Ты зря обиделся, Виктор! – раздалось ему
вслед. – Я просто ввёл тебя в курс дела, а ты...

– Я понял и намотал себе на ус, как жить
дальше.

– Куда же ты намотал, если и усов-то у тебя
нет? – Похоже, Просин понял, что перестарался
с нравоучениями, и сейчас хотел хоть как-то
сгладить остроту ситуации.

Но Виктор не откликнулся на его порыв и
только головой покачал. И, уже закрывая за со-
бой дверь кабинета, сказал на прощание:

– А усы будут, Виктор Иванович, специально
отпущу, чтобы твои мудрые советы на них нама-
тывать!

Хорошее настроение, с каким он выходил из
кабинета первого, улетучилось. Теперь настрое-
ние у него было под стать хмурому ноябрьскому
небу...

Пока Виктор добирался до шахты, а дорога
заняла более часа, досада от размолвки с Про-
синым немного ослабла. Сквозь тяжёлые тучи
пробивались лучи солнца, удивительно яркие
для этого времени года. Они весело заглядыва-
ли в окна автобуса, словно призывая Виктора не
предаваться унынию, а пока он шагал по дороге
от клуба «Горняк» до шахтового АБК, то и вовсе
забыл думать о стычке с ехидным заворгом. Но
для себя решил, что надо всё же поговорить с
парторгом и рассказать обо всём, что произо-
шло в горкоме комсомола. Однако кабинет Мар-
кина оказался закрыт. Подёргав ручку двери,
Виктор собрался идти к себе, как кто-то поймал
его за руку.

– Ты что ломишься? Чуть дверь не сломал! –
слегка насмешливо произнёс Михно.

Виктор давно отметил для себя, что этот че-
ловек с открытым улыбчивым лицом умел нахо-
дить такой тон в разговоре с собеседником, что
тот невольно отвечал ему с такой же улыбкой
и доверием.

– Да вот хотел посоветоваться с Алексан-
дром Григорьевичем...

– Э-э, дружок, сегодня это у тебя вряд ли по-
лучится, потому как они с начальником уехали в
трест. Но если что-то срочное – пойдём ко мне.
Ты, кажется, сегодня ездил в горком?

– Только что оттуда.

– Ну, тогда пойдём.

Не торопясь, в деталях он рассказал о встре-
че с первым и колючем разговоре с заворгом
Просиным.

– Виктор Иваныч остаётся верен себе – всег-
да что-нибудь ехидное скажет, куснет потихонь-
ку. Ты не обращай на это внимания, но на буду-
щее имей в виду, что с ним лучше не ссориться
и не задирать его, потому как первый всю твою
информацию будет получать через него, а уж как
он подаст – только Бог знает да он сам. А так, в
общем, как я понял, тебя хорошо приняли. Ген-
надий Нилович понапрасну никогда не лютует,
зря тебя Просин пугал им. И ещё что касается
твоего рапорта. Хорошо, что ты многое успел и
вовремя доложил, но на будущее учти, что в сво-
их планах будь поосторожнее. Начальству по
штату положено призывать тебя к рекордам, на-
страивать на повышенные обязательства, а по-
том спрашивать с тебя. И если что-то вдруг не
заладилось с рекордом, то ты уже не герой, а
какой-то двоечник! Чуть-чуть оставляй задел
для себя: выполнил норму – молодец, а если
удалось её перекрыть, то ты уже передовик,
можно сказать, герой дня! Вот Путро или Орлов-
ский, когда идут на рекорд, думаешь, не знают,
что могут дать угля намного больше? Знают. Но
если они сегодня рванут на пупок, то завтра от
них будут ждать новых рекордов, а то и вообще
план поднимут до этого рекорда. А тут и пупок
может развязаться. Это не шулерство какое-то,
это просто реальная оценка сил и ситуации.
Ладно, не забивай себе голову – сегодня ты всё
сделал правильно, первый лично тебя узнал, а
ты его. Всегда легче работать, когда знаешь, с
кем имеешь дело. До областной конференции
ещё далеко, успеем все дела переделать, а на
ближайшее время у нас есть задумки впервые в
истории шахты провести новогодний вечер в
клубе «Горняк». Не праздничное собрание про-
вести да грамоты вручить – это у нас всегда де-
лается, а именно новогоднюю ночь под ёлкой, с
музыкой, шампанским. Старшее поколение всё
больше дома праздник встречает – с детьми да
внуками, а ты молодёжь пригласи, что повесе-
лее, да тех, кто не злоупотребляет выпивкой,
вместе с жёнами... Концерт подготовите, духовой

оркестр организуем! В общем, время ещё есть – подумай, а свои предложения мне доложишь или парторгу. Мы, конечно, придём и поздравим, но на ночь вряд ли останемся. Тебе придётся там командовать, Виктор Егорович!

* * *

На новогодний вечер в клубе «Горняк» гости стали собираться к десяти часам. Время определили не случайно: раньше соберутся – не дождутся нового года и начнут «поздравляться», как это умеют шахтёры, а там, глядишь, и звон курантов не услышат. Позднее – могут не успеть принарядиться и проводить старый год – тоже плохо.

На улице перед клубом горняков встречала красавица ёлка, украшенная игрушками и электрическими гирляндами, а вокруг неё был залит каток, где все предновогодние дни и вечера катались дети и взрослые посёлка Чертинского. При входе гостей встречали наряженные в праздничные костюмы клубные работники, для которых новогодняя ёлка стала продолжением работы, ведь кто-то же должен был встречать гостей!

Праздничный стол накрыли в холле перед входом в кинозал. Чтобы скрасить ожидание тех, кто пришёл пораньше, в кинозале крутили мультики, в самом холле гремели динамики, а в углу готовили инструменты музыканты духового оркестра.

Виктор и взявшийся ему помогать Паша Лисьев на правах хозяев вечера старались быть всюду: гостей встречали, провожали в холл или кинозал, подбадривали и веселили. Такие метания сильно утомляли, потому они решили разделиться: Павел встречал гостей на входе, а Виктор – уже в холле. Неожиданно для себя он открыл, что в зал, где уже был накрыт праздничный стол, сначала входили почему-то одни женщины, а их мужья появлялись только некоторое время спустя. Выбрав свободную минуту, он спустился к гардеробу и увидел, что женщины, сдав пальто гардеробщице и отметившись у огромного зеркала, в гордом одиночестве проходили в зал, а мужчины торопливо шли в туалет. «Да что это с ними?» – удивился Виктор и направился вслед за очередным мужчиной.

Весёлая картинка ему открылась: в умывальнике на двух стульях стояли початые бутылки водки и стаканчики, Слава Ковтун лихо разливал спиртное и кратко приговаривал: «За старый год!» Опрокинув стаканчик и подцепив

свилки протянутый огурчик, очередной мужчина, похрустывая на ходу, выходил из туалета.

От неожиданности Виктор застыл в недоумении:

– Слава, это что?

– Как что? – невинно хлопая глазами, ответил распорядитель туалетного пиршества. – Однако, водка... «Московская», по два восемьдесят семь...

– Так здесь-то почему, если через час мы сядем за стол?

– Так если они сейчас хотят? А нам что, жалко, что ли? А кто не хочет или жена не пускает – те идут мультики смотреть.

– М-да... А где же Паша?

– Вот он я... – Из туалета в умывальник вышел Паша Лисьев.

– Паша, ну как же так?

– Всё в порядке, Витя, это шахтовая традиция. Что будет потом – само собой, а раньше и совсем по чуть-чуть – положено. Слава, сколько отметились?

– Восемнадцать человек.

– Тогда сворачивай кухню: больше не придут. Я сразу говорил, что из двадцати пяти мужиков найдут только восемнадцать, а остальных бабы не пустят.

– Да-да, закрываемся, – бормотал Ковтун, отставляя на пол пустые бутылки, а две початые, заткнув заранее подготовленными пробками из газеты, опустил в сумку.

– Слава, а нам с Витей?

– Так вот же они – стоят и смотрят на вас. – И он кивнул на стул.

– Паша, впереди вся ночь, а ты? Да ты, кажется, уже выпил?

– Есть маленько, а ты совсем терёзвый! Вот пригуби стопочку, и я с тобой, а потом пойдём к гостям.

– А как же мы будем вести вечер, пьяному-то трудно это сделать.

– Это пьяному трудно, а мы будем только слегка выпимши, и потом... – Он поднял стаканчик и чокнулся с Виктором.

– Что потом?

– А вот что потом, я скажу, когда мы с тобой опрокинем эти стаканчики... Та-ак, прекрасно! – продолжил Лисьев, похрустывая солёным огурцом. – А теперь я доскажу свою глубокую мысль. Трудно, Витя, когда с глубокого похмелья идёшь в шахту и даёшь на-гора тонны угля, мелкого, но много! Это действительно трудно, но и там уже

за два-три часа вся дурь с потом выходит. А когда поднимешься из шахты, можно всё начинать сначала. Ха-ха – шутка! Ну всё, идём, хлопцы! Народ для балдежа собран и ждёт нас!

Около гардероба они встретили Михно и его заместителя. Те явно торопились, но, заметив Виктора и Павла, подошли к ним.

– Как дела? – спросил профсоюзный лидер шахты. – Гости собрались?

– Так точно, Алексей Борисович, – отрапортовал Лисьев.

Михно спросил хмуро:

– Что, уже дозаправились? Смотри, Павел, испортишь праздник – на шахткоме стружку снимать будем.

– Да ну что вы, Алексей Борисович! Да мы...

– И вот что ещё, ребята, подберите-ка двух-трёх человек, что покрепче, из малопьющих, и повяжите им красные повязки. Такое мероприятие без дружинников не положено проводить! Дежурный автобус придёт с шахты в три часа, всех усадите, кто на Новый Городок поедет. А кто в Черте живёт – те сами доберутся. Все пришли, кого приглашали?

– Да, Алексей Борисович, несколько механиков, три заместителя начальников участков, пять членов комитета, другие молодые ребята. В основном комсомольцы, все с жёнами. Да ещё какой-то пожилой дядя, лет пятидесяти, с женой... Как его, Паша? – обратился к товарищу Виктор.

– А-а, так это Вячеслав Васильевич Дацук из отдела по технике безопасности.

– Ну, это проверенный кадр, хлопцы, – отозвался Михно. – Пьёт мало, много анекдотов знает и тостов разных. А пришёл к молодёжи по двум причинам: дети у него все в Новокузнецке, не приехали на праздник, а им с женой вдвоём, видно, скучно дома сидеть, к тому же Дацуки живут здесь рядом. Ох, а как они вальс танцуют – класс! Ну ведите в зал, а то время уже поджимает. Пока люди будут рассаживаться, оркестр должен играть, потом дашь мне слово.

– А может быть, вы с нами до конца вечера, Алексей Борисыч? – с надеждой спросил Виктор.

Он опасался оставаться здесь за главного на весь вечер.

– Не могу, Витя, потому как дома меня ждёт жена и... фаршированная курочка! Пока холостой, тебе этого не понять, а вот когда женишься...

– На курочке фаршированной я точно не жёнюсь, – отшутился Виктор.

– Ай, подкузьмил ты меня, брат Витя! Не жениться-то тебе пора, наверное? Девочек немужних у нас на шахте, правда, немного, но кое-кто уже заглядывается на тебя. Берегись!

Со смехом они вошли в холл, где уже вовсю играл оркестр и несколько пар кружились в вальсе. Выделялись в этой праздничной круговерти супруги Дацук. Когда закончился танец, Виктор переговорил с оркестром, а затем, похлопав в ладоши, призвал всех занимать места за столом.

– До боя курантов остаётся меньше часа! Нам ещё надо проводить старый год. Слово предоставляется председателю нашего шахтного комитета Алексею Борисовичу Михно!

Негромко, спокойным голосом Михно вкратце отметил трудовые успехи шахты в уходящем году, сказал, что и в новом, тысяча девятьсот шестьдесят девятом году горняки предприятия готовы к трудовым свершениям, выразил надежду, что значительную лепту в достижения шахты внесёт молодёжь, лучшие представители которой сегодня за этим праздничным столом.

– С уходящим старым годом, товарищи! – Подняв бокал, он окинул взглядом весь стол, а когда заметил, как кто-то потянулся за шампанским, тут же громко заявил: – Шампанское открывают под бой курантов, а сейчас пьём водочку или вино! Да, товарищи, не будем нарушать традицию...

После минутной тишины за столом вновь всё ожило: зазвенели ложки и вилки, раздались весёлые разговоры. Между тем Михно вместе со своим заместителем тихо покинули праздничный зал.

Виктор, никогда ранее не присутствовавший на подобного рода мероприятиях, казалось, был оглушён и очарован праздничной симфонией, состоящей из музыки, возгласов, смеха. Дома у них этот праздник всегда отмечали более чем скромно, под размеренные разговоры; студенты встречали Новый год по своим комнатам и лишь потом собирались для танцев в коридоре общежития, но там не было тостов, не было и такого стола с богатым угощением.

Праздник был в самом разгаре. Уже и Дед Мороз с помощницей Снегурочкой раздали подарки, коими оказались блокноты в коленкором переплётё и авторучки. Тосты звучали один за другим, иногда ораторы выступали даже вдвоём, а сидящие за столом едва успевали на-

78

полнять бокалы. Музыканты духового оркестра, отыграв концертный минимум, теперь тоже за сели за специально накрытый для них стол, а все последующие танцы проходили под рёв музыкальных колонок. Не умевший танцевать вальс, Виктор удивлённо смотрел, как рабочие парни лихо крутили своих дам по гранитному полу клуба, а когда на смену спокойной музыке приходил твист, то, казалось, весь зал с его стенами и потолком начинал дёргаться в весёлых конвульсиях. Виктор сидел с торца стола, и ему был хорошо виден весь этот праздничный калейдоскоп. Оживление и радостный смех в зале вызвало появление нескольких пар в новогодних масках.

«Ну и ладно, – думал он, – главное, что всё идет хорошо, спокойно». И тут же поймал себя на том, что рассуждает как убелённый сединами старик, наблюдающий за весельем молодых. Он огляделся по сторонам: может быть, кто-то смотрит на него и именно так его воспринимает? Нет, слава богу. Паша Лисьев винтом ходил по кругу, меняя партнёрш, не намного от него отставал и Слава Ковтун. «Вот что значит вовремя опрокинуть сто грамм!» – усмехнулся Виктор про себя.

Тут музыка смолкла, и чей-то женский голос объявил по микрофону:

– Белый вальс! Дамы приглашают кавалеров!

Внезапно Виктор почувствовал, что кто-то тронул его за руку.

– Разрешите вас пригласить на тур вальса, товарищ комсорг! – Перед ним стояла улыбающаяся красавица Галя Баранова. – Все веселятся, а Витя наш грустит? Нехорошо! Пойдём потанцуем.

– Галя... я никогда не танцевал вальс. Со мной страшно на круг выходить, Галя, извини...

– Молодой человек, отказывать даме никак нельзя!

Рядом проходили супруги Дацук, и женщина, услышав ответ Кузнецова, немедленно вступила в разговор. Залившийся краской Виктор вновь стал объяснять, что он никогда не танцевал вальс, что у него ноги в узел завяжутся, что... И женщина, и Галя Баранова смеялись, всё ещё не веря ему.

И тут заговорил Вячеслав Дацук:

– Кажется, я знаю, что делать! Курс молодого бойца знаешь что такое, Виктор?

– А как же, на офицерских сборах нас учили.

– Вот и сейчас надо тебе немного подучить. Девушка, – обратился он к Барановой, – мы сейчас с женой заберём на несколько минут вашего кавалера, а потом он вас найдёт и пригласит на вальс, но только эти полчаса вы храните ему верность!

Все громко рассмеялись, а потом Виктор пошёл вслед за Дацуками в дальний угол холла, где покоились медные трубы и барабан духового оркестра.

– Виктор? – спросила его женщина. – Вот и хорошо, а меня зовут Элеонора Ивановна. Мы сейчас со Славой вам покажем основные движения, вы попробуете – и у вас всё получится. Вы же видели, что и медведи в цирке танцуют?

Через полчаса Виктор, поёживаясь от страха, подошёл к Барановой и пригласил на... танго. Этот танец он хорошо освоил ещё в институте. После танго, не отпуская партнёршу, он закружил её и в вальсе. Праздник продолжался, но теперь Виктор ощущал себя не где-то сбоку, в стороне от него, а в самой гуще веселья. И все лица людей, окружавших его, были красивы и светились улыбками.

В начале четвёртого в зале появился мужчина в полушубке. Он подошёл к Виктору и коротко доложил: «Автобус ждёт у входа». Дважды Виктор объявлял о том, что новогодний вечер окончен, что автобус ждёт, но, похоже, никто не хотел уходить от стола. Кто-то продолжал произносить тосты: «на посошок», «стременную», «подорожную», и за каждым тостом следовали новые возлияния...

– Ну что вы, честное слово, товарищ Кузнецов! Ведь время же идёт, – напирал мужчина в полушубке.

Внезапно помощь пришла со стороны неунывающего Паши Лисьева. Он отвёл в сторону шофёра и предложил ему опрокинуть стаканчик.

– Не-е, – испуганно замотал тот головой. – Мы за рулём не пьём!

– А если после работы, дома?

– Ну, если после работы, – растерянно протянул шофёр, – тогда оно, конечно... Но вдруг...

– Понял! Никаких вдруг!

Паша подмигнул Виктору, а потом нагнулся и ловко вытянул из ящика, что стоял под столом, у ног комсорга, бутылку водки. И протянул её шоферу со словами:

– Держи, командир! Это тебе за терпение! Годится?

19

– Это другое дело, Павлик. С часик я могу подождать: у меня смена кончается в шесть...

– А ты не просто жди, а присядь вот сюда и кушай всё, что на столе. Полушубок можно снять, вот сюда его положи, к колонне...

Лишь в пятом часу утра народ потянулся к выходу. Одними из первых зал покинули супруги Дацук, за ними последовали другие чертинцы, а когда перестала звучать музыка, в наступившей тишине засобирались и остальные гости. С лёгким сердцем Виктор направлялся к гардеробу: праздник прошёл без ЧП. При этом глазами он выискивал свою партнёршу по танцам Галю Баранову. Она его очаровала, но в этой суматохе вдруг куда-то исчезла. Убедившись, что в клубе остаются только его дежурные работники, Виктор быстро оделся и поспешил на выход.

– Давай, командир! – звали его из автобуса ребята-комсомольцы.

Когда Виктор уже собирался войти в автобус, вдруг почувствовал, что кто-то удерживает его за рукав.

– А я думала, что вы проводите меня до дома, Виктор Егорович!

Это была Галя Баранова. В свете мигающих огней праздничной ёлки на клубной площади она выглядела волшебно-красивой.

– Да-да, конечно... – смущённо проговорил Виктор, отодвигаясь от двери автобуса, чтобы не мешать входить другим.

– Вы не бойтесь, Виктор Егорович, попьём у меня чайку, а в шесть часов пойдёт первый городской автобус и увезёт вас в родное общежитие. В крайнем случае я вам постелю на диване, но уж в сугробе ночевать вам, точно, не придётся...

Попрощавшись с товарищами, они пошли вместе по центральной улице посёлка, и вслед им понеслись весёлые крики подвыпившей компании:

– Комсорга нашего в плен взяли! Держись, Витя! Мы с тобой!

Потом их перекрыл истошный голос пьяного Ковтуна:

– Витя, меняемся местами! Погоди, не уходи!

Тут женщина, сидевшая рядом, дала ему такой подзатыльник, что шапка свалилась с головы Славы, и ёлочные огоньки шаловливо заблестели на его лысине.

– Дома я с тобой поменяюсь местами!

И весь автобус утонул в море смеха. Новый год начинался весело...

Только к обеду первого января Виктор добрался до своего общежития. Усталый, невыспавшийся, с остатками спиртного в голове, он тяжело рухнул на кровать и проспал до позднего вечера.

Проснувшись, принял чуть тёплый общежитский душ и сварил пельменей. Осилив порцию, блаженно откинулся на диване.

Маленький телевизор, который ему «по дружбе» одолжил комендант шахтового административно-бытового комбината, включать не хотелось. Перед глазами мелькали совсем другие, более интересные картинки...

Вот он нерешительно топчется у порога, прежде чем войти в однокомнатную квартирку красавицы Гали. А вот после бокала шампанского, которое как нельзя кстати оказалось у запасливой хозяйки, она предложила ему прилечь на диван, пока пойдёт первый утренний городской автобус. Но прежде, по её словам, нужно выполнить древний ритуал: смыть с себя все грехи и неудачи года старого, а потом уже думать об отдыхе. Водопровода в комнате не было, но за лёгкой голубой шторкой в углу комнаты оказалась небольшая ванна и бачок с тёплой водой. После утомительной новогодней ночи, оттаявший в тепле квартиры красивой женщины и взбодрённый шампанским, Виктор совсем потерял голову и готов был выполнять любое требование хозяйки.

Выйдя из ванны, Виктор не обнаружил своей одежды на стуле, где оставил, отправляясь «смыть грехи». Осторожно выглянул из-за ширмы:

– Галя, а где мои вещи-то?

– Возьми там простыню, завернись и отправляйся отдыхать!

Когда он появился перед ней, словно древний грек, закутанный в тогу, она засмеялась, а затем тоном, не терпящим возражений, заявила:

– Ты гость, а гостю положено лучшее место! Ложись на кровать, а я лягу на диван...

Только нырнув под пуховое одеяло, он почувствовал, что смертельно устал. Хозяйка скрылась за ширмой, а он, похоже, стал засыпать. За полупрозрачной тканью он видел гибкое тело женщины, но глаза уже сами собой закрывались. «Всё, спать, спать!» – мысленноскомандовал он себе, но когда из-за ширмы появилась обнажённая Галя, сон мгновенно покинул его.

Обворожительно улыбаясь, она смело пошла к кровати.

– Я иду к тебе! – И она запрыгнула в свою кровать, где по какому-то странному новогоднему случаю оказался и Виктор Кузнецов.

Все последующие события, происшедшие в эти ранние часы нового года, казались ему теперь каким-то наваждением. И, лёжа на своём диване, он продолжал предаваться воспоминаниям безумной новогодней ночи.

«Ну что, комсомольский жоак, потерял и ты наконец-то своё целомудрие?» – эта мысль показала ему крамольной, но жутко... приятной. «Давно пора, Витёк!» – успокаивал он себя. В институте у них девчонок было мало, да и те на контроле у наиболее предприимчивых старшекурсников, а ходить в пединститут, куда наведывались многие его однокурсники, ему было неохота да и некогда: учёба, комсомольская работа, спорт, а к этому он всегда относился очень серьёзно. И потому личная жизнь студента Виктора Кузнецова оказалась где-то на заднем плане. Ну прямо как в песне: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». А Михно-то как знал: «Пора тебе жениться, Витя! На тебя тут заглядываются девушки!» Хотя на шахте, как и в самом маленьком посёлке, каким был Чертинский, невест было немного, но Галя!.. «А что, вот возьму и женюсь! Кто мне что скажет? Только, наверное, надо немного подружить, присмотреться друг к другу... Ну да ладно, утро вечера мудренее», – размышлял Виктор.

Он глянул на тёмное окно комнаты, на будильник: шёл двенадцатый час ночи, первой ночи нового, тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, а завтра надо быть на шахте...

А шахта между тем неторопливо, словно нехотя, входила в новый трудовой год. Автобус, в котором утренняя смена добиралась на работу, шёл как-то медленно, неуверенно, пассажиры его, вяло приветствуя друг друга при входе, тут же откидывались на спинку сиденья и закрывали глаза: то ли досыпали положенную норму, то ли вспоминали минувшее праздничное застолье.

В коридоре около участков толпились люди. Получив наряды у заместителей начальников участков (ни один начальник в эту утреннюю смену на шахте замечен не был!), шахтёры ещё какое-то время стояли в коридоре, спешно докуривая папироски и перебрасываясь шутками. Всё их поведение в эти минуты словно говорило:

а что делать – хочешь не хочешь, а надо лезть «в дыру», в забой, надо давать план...

Виктору не нужно было сегодня спускаться в шахту, и потому у себя в кабинете он поставил на плитку чайник, негромко включил радио и удобно устроился в кресле. Его взгляд упал на телефон. «Позвонить Гале? Она сегодня, кажется, работает...» Но он тут же отказался от этой мысли: на шахтовом коммутаторе сидели очень любознательные девушки, которые легко определяли по голосам абонентов и жадно ловили их разговоры. Ему хотелось сказать своей новой подруге что-то тёплое, нежное, договориться о встрече, но... Уже завтра вся шахта будет знать, что комсорг завёл себе подружку! Нет, не пойдёт! И ещё одна причина у него была не звонить: «А пусть сама меня найдёт, когда соскучится! Вот и узнаю, как долго сможет она держать паузу».

Налив в кружку крепкий чай, он неторопливо попивал его вприкуску с печеньем, залежавшимся у него в сейфе с прошлого года, и блаженно улыбался, вспоминая недавние новогодние приключения. Гостей он не ждал, а до вечернего автобуса была ещё уйма времени...

Вдруг дверь кабинета широко распахнулась и на пороге появились два комсомольца, те активисты, с которыми у него сложились самые добрые отношения: Паша Лисьев и Саша Сурков. Вид они имели довольно потрепанный, явно негодный для работы под землёй, глаза азартно блестя.

– Вы что, мужики? Пьяные в шахту собрались? Вам же прогул поставят!

– Не свисти, Витя! – лихо ответил Паша. – Я на лёгком труде в мехцехе, а там начальник всем амнистию объявил на сегодняшний день, даже разрешил похмелиться, у кого было с собой. А мы люди запасливые!

– И нас Валентиныч отпустил по домам, – вторил ему Сурков. – Ремонтников отправил в шахту. Хоть бы предупредил заранее, а то зря ехали...

– И что из этого следует, господа комсомольцы? – нарочито строго спросил Виктор.

– А вот что! – объявил Паша, и на столе появилась бутылка водки, а вслед за ней два тортильона с бутербродами.

– Погоди, Паха, я хоть дверь закрою! – Виктор бросился к двери.

– Не бойсь, секретарь, всё верхнее начальство отправило смену в шахту, а само или домой рвануло, или так же по кабинетам похмеляется.

Неторопливо, со вкусом они одолели припасённую бутылку и теперь, попивая горячий чай, вернулись к воспоминаниям новогоднего праздника.

– Ну что, Витёк, как тебе Галя? – вдруг спросил его Паша. – Поглянулась наша красавица?

– Поглянулась... – в тон ему ответил Виктор, но тут же спохватился: – А тебе-то зачем это знать?

– Как «зачем»? – Опытном делиться надо, а то никакого прогрессу не будет. Так, нет, Санёк?

– Да мы уж с тобой поделились, а вот Витя, похоже, не желает вступать в члены нашего кружка!

– Какого кружка, что вы несёте?

– Сокращённо это называется КГБ – кружок Гали Барановой. В этот кружок входят все её бывшие кавалеры, ну, может быть, и не все...

– Вы что болтаете? Она свободная женщина, красивая, между прочим... Я не хочу говорить о ней с вами, потому что это...

– О-о-о! – закатив глаза, возопил Паша с Сашей. – А может, ты ещё и женишься на ней?

– А вам какое дело? Может, и женюсь!

– У-у-у! – снова затянули гости. – Придётся ему глаза открыть, а то ведь и вправду женится...

Как ни пытался Виктор закрыть эту тему, изрядно пьяненькие товарищи упорно возвращались к разговору.

– А за ширмочку ты заходил? В ванне купался? А ширмочка была голубая или розовая? Ага, голубая. Как у тебя, Паша. А у меня была розовая... А самогонкой она тебя угощала? Понравилась? Самогонка. Ну и хозяйка тоже...

Ошеломлённый Виктор наконец не выдержал и рывкнул на них:

– Хватит выпендриваться! Что вы плетёте?

И тут он узнал, что так понравившаяся ему особа давно имеет среди комсомольцев шахты прозвище Переходящий Красный Вымпел, что все предыдущие секретари комсомола также пользовались её благосклонностью, причём происходило это уже вскоре после избрания их на должность.

– Понимаешь, она этим самым как бы утверждает решение собрания, – заплетаящимся языком объяснял Лисьев.

– Так уж и все? – ещё не веря им, растерянно спросил Виктор.

– Я, ваш покорный слуга, – Паша даже встал со стула и слегка поклонился Виктору, – Шурик вот, Витя Просин... Возможно, ещё кто-то, мы со свечкой не дежурили...

– А Коля Толстых?

– Чего не знаем, того не знаем. Кажется, она тогда ещё не работала у нас. А ты знаешь, сколько ей лет?

– Наверное, как мне и вам, двадцать два – двадцать три?

– Двадцать пять! Скоро будет двадцать шесть! А ты знаешь, что у неё есть ребёнок? Илюшка, кажется. Ты не помнишь, Паш?

– Не знаю, она меня с ним не знакомила.

– Меня тоже не знакомила, но я где-то слышал...

– Как ребёнок? Какой ребёнок?!

– Ма-аленький такой, в детский садик ходит...

– А где он был?

– А кто ж его знает. В рабочие дни он в ночной группе ночует. Слышал про такие?

– Нет, не слышал, – растерянно проговорил Виктор.

– На субботу-воскресенье и праздники Галя его забирает, а когда ей очень надо, ну... то да сё, наверное, мать забирает к себе, она тоже в Черте живёт, на Клубной улице...

– Всё, мужики, хватит! Пойдёмте по домам!

– Пойдём и поедем – куда деваться! Но женщина она, конечно, видная, красивая, опытная.

Видя, как их секретарь густо покраснел, парни приняли его успокаивать: мол, все через это прошли...

– Ты не подумай, Витя, что мы всем направо и налево говорим о ней, вроде как позорим. Нет! Но друга надо предупредить, а то женишься по горячке. Так тебя и в шахту не пустят.

– Как это не пустят? При чём здесь шахта? – Виктор непонимающе смотрел на друзей.

– Смотри, Паш, он и вправду не понимает, почему его в шахту не пустят!

– Не понимаешь? – Паша приобнял Виктора, погладил его по голове. – А потому, что без каски в шахту не пускают... А каску ты не сможешь надеть, потому что у тебя рога вырастут!

И парни громко расхохотались.

– В общем, Витя, прикинь сто раз, а уж потом женись...

И Виктор решил проверить и Галю, и себя. Сам он ей так и не позвонил, а от неё звонка дождался лишь накануне старого Нового года. Коротко справившись о делах, здоровье, она, как ему показалось, неуверенно спросила, нет ли у него желаний вместе встретить этот праздник.

– Нет, наверное, не получится... Собираюсь к родне съездить в Кемерово... Потом как-нибудь... Я потом сам позвоню...

Ни к какой родне он не поехал, да и где она, эта родня, – вся на кладбище! Зато вечером накануне старого Нового года он пришёл к дому Галины. Окно её квартиры на первом этаже было ярко освещено, а во дворе напротив оказалась скамейка. Забравшись на неё, поверх занавесок Виктор увидел знакомую комнату с голубой ширмой. И из-за этой ширмы вдруг появился обнажённый мужчина лет тридцати. Он что-то говорил, смеясь, а потом так же, как Галя в новогоднюю ночь, прыгнул на кровать, где его уже ждала приветливая хозяйка...

Оглушённый увиденным, Виктор долго сидел на скамейке, пока не погас свет в окне, и только тогда отправился домой, на Новый Городок, пешком, поскольку автобусы уже не ходили. А в голове свербела одна мысль: «А ты жениться хотел, дурак! Хорошо, что ребята предупредили... Смешно как-то получается: ещё не женился, а уже приходится расходиться!» Впрочем, ему было совсем не смешно.

ГЛАВА 3

В конце января Виктору пришлось снова встретиться с Галиной на очередном заседании комитета ВЛКСМ. Его выступление она слушала рассеянно, на вопросы, обращённые к ней, не отвечала.

Но едва закончилось заседание и комсомольцы стали покидать кабинет, Галина подошла к нему:

– Что с тобой, Витя? Ты ни разу не позвонил мне за всё это время и сегодня ни разу не посмотрел в мою сторону. Что случилось?

– Всё случилось как и должно было случиться. Но я хотел задать тебе один вопрос. Можно?

– Конечно.

– Твоего сына зовут Илья?

– Ах вот оно что! – огорчённо вздохнула женщина и даже отступила от него на шаг. – Поэтому ты так изменился...

– Почему ты сразу не сказала мне о нём? Это же нечестно с твоей стороны!

– Это было неподходящее время для такого разговора, а второго случая у нас с тобой не было. Я хотела тебе сказать, но ты послушал других. Жаль, что так! Да, его зовут Илья, ему три с половиной годика. Что ещё тебе о нём сообщили?

– О нём – ничего.

– Ага, значит, обо мне? Ну, не стесняйся! Сказал «а» – говори и «бэ»!

Виктору показалось, что ещё мгновение – и его собеседница начнёт плакать. Но вместо того, чтобы успокоить её, он вдруг выпалил:

– Знаешь, а я был у тебя перед старым Новым годом...

– Так вот оно что! – Теперь её лицо окаменело, в голосе послышались нотки раздражения. – Следил, значит?

– Нет... Просто поездка не получилась, и я решил навестить тебя. Да, видно, опоздал – моё место было уже занято!

– Ха-ха! Подсматривал?!

– Н-нет, так получилось...

– Ты себя ведёшь как обманутый муж, хотя им ещё не стал! – Её слова, как пощёчины, больно били его. – Ты многого захотел: и всё, и сразу, а так не бывает! Я свободная женщина, между прочим!

– Ты ею и останешься, так же как и я останусь свободным мужчиной. Извини! Нам лучше прекратить эту семейную сцену!

– Ха-ха! Семьи ещё нет, а сцена уже налицо. Ты прав, давай прекратим этот глупый разговор. И вот что я тебе скажу: я выхожу из состава комитета. Вместо меня будет другая девушка, помоложе, хотя и замужняя, а то ведь мне уже скоро двадцать семь. Тебе ещё не сказали о моём возрасте? Тогда запомни, товарищ комсорг!

Застёгивая на ходу пуговицы шубы, она направилась к выходу, но у двери остановилась и с издёвкой в голосе бросила:

– Ты, кажется, усы решил отпустить? Тебе пойдут усы! Послушай совета старой распутной женщины. Смазливые девки будут западать на них, да только на шахте таких девок нет, здесь есть только старые рабочие лошади и... коровы. Смотри не промахнись, красавчик! – С тем она и вышла.

Впоследствии они редко встречались, но даже и тогда оба не подавали никаких признаков того, что раньше были знакомы довольно близко.

А между тем шахтовая жизнь набирала свои обороты, не оставляя несостоявшемуся жениху времени для хандры и апатии. Полным ходом продолжалась реконструкция. Строители проводили углубление шахты почти на двести метров, увеличивали глубину осевого ствола до шести-

23

сот метров. Разрабатывались новые пласты, закупалось современное оборудование: предприятие переходило на комплексно-механизированную добычу угля. И то, что Виктору приходилось когда-то в институте изучать только по схемам и чертежам, теперь предстояло встретить в условиях реальной шахты. И хотя сам он не был на передовой этой реконструкции, разговоры рабочих, которые ему приходилось слышать в автобусе по дороге на шахту или домой, а также на коротких перекурах перед их спуском в шахту, в достаточной степени подогревали его инженерное нутро, вызывая желание во внеурочное время спуститься в забой. Этот интерес поддерживался ещё и тем, что парторг Маркин и председатель шахткома Михно теперь почти всегда приглашали его на свои заседания, поясняя это так: «Ты, Виктор, должен быть в курсе жизни всех сторон предприятия, тогда и комсомольские проблемы будут легче решаться».

Позднее Виктор не мог вспоминать без улыбки, как он в первый раз собирался спуститься в шахту самостоятельно, без сопровождающих. В мойке горных мастеров, куда он обратился, дежурная смотрела на него удивлённо, а потом долго объясняла, что за ним не закреплён ни комплект спецодежды, ни самоспасатель. Расстроенный, он возвращался в свой кабинет, а по пути заглянул в шахтный комитет к Михно.

– Алексей Борисыч, хотел сходить в шахту, а меня не пустили: того нет, другого нет... Как же быть-то?

– А ты куда обращался?

– В мойку горных мастеров.

В ответ Виктор услышал весёлый смех, и только потом последовали разъяснения:

– Не туда ты ходил, Витя. Тебя, как я знаю, отнесли в штат руководства шахты. Значит, спецовку ты получишь в нашей мойке, там же будешь мыться... Поверь, это лучше, чем в мойке горных мастеров. Здесь есть парная с вениками, чай можно заказать. Ты сейчас сходи в нашу мойку, сделай заявку, укажи размер одежды, обуви, а всё остальное приложится. Опять же, самовольно, одному тебе в шахту вряд ли удастся спуститься. Не забудь зайти в кабинет техники безопасности, где с тобой проведут беседу, подпишешь кое-какие документы... Шахту ты не знаешь, поэтому одного не пустят, только в сопровождении кого-то из ИТР. Захочешь побывать у Орловского, Путро или в другой бригаде – договаривайся с начальником участка или его за-

местителем. Мягко говоря, ты будешь там как турист, рекорды ставить тебе не придётся.

– Какие рекорды?

– Как какие? Вот чудак, на шахте работаешь, а не знаешь, что в прошлом году бригада Путро установила всекузбасский рекорд по добыче угля: за месяц отправила на-гора восемьдесят восемь тысяч тонн. А за весь год – более шестисот семидесяти тысяч тонн угля. И это уже мировой рекорд! Так-то вот, товарищ комсорг, трудятся наши передовики. Но когда они на рекорд идут, лучше посторонним там не появляться: не надо мешать людям. Они же как автоматы работают, а тут ещё за «туристом» надо приглядывать: как бы кливажом не засыпало или под нож комбайна не залез.

– Алексей Борисыч, я же инженер, а не турист какой-то!

– Да, ты инженер с дипломом, я не отрицаю, но пока у тебя нет опыта, практики шахтёрской нет. – Видя, что комсорг хочет ему возразить, Михно тут же добавил: – У тебя сейчас другая работа: нужно комсомол поднимать, а рекорды ставить – есть для этого опытные и проверенные люди.

– Так что же мне теперь, так и оставаться «туристом»?!

– Э-э, нет, дорогой, тебе же на этот год столько всего наметили. Иль забыл? Надо начать работу оперативного отряда...

– Так участкового же нет в Черте, а без него мы не можем ходить по домам, нас же никто на порог не пустит!

– Ничего, в апреле-мае должен появиться участковый – вот тогда и пойдёте по дворам Майки и Чеплаевского. А пока узнайте в школах списки трудных детей, приходите в классы, беседуйте с учителями, детьми, встречайтесь с их родителями. Да Паша это всё давно знает, просто за полгода он расслабился... По весне будем озеленять новостройки на Новом Городке. Ты же знаешь, как мы строим жилые дома, а надо там и зону отдыха обустроить. Весной накопаем саженцев – поднимай комсомол и сяди-те деревья!

– Ну, сейчас-то ещё зима на дворе...

– А сейчас можно провести несколько субботников в шахте: где штрек зачистить от остатков конвейерной линии, где старую крепь разобрать. Работы много, на твой век хватит! А в мае надо будет обживать спортивный лагерь «Дзержинец». Слышал про такой?

– Слышал, конечно, им Николай Толстых занимается.

– Да, Коля им занимается уже несколько лет. Раньше-то лагерь был в Бачатском бору, а в прошлом году по осени его перевели на Беловское море. Работы там – непочатый край: столовую достроить, палатки закрепить, лавочки и карусели разные поставить, всё это красить надо... Работы на всё лето хватит. Конечно, там стройгруппа будет трудиться, но и без комсомола никак не обойтись! В общем, Виктор Егорович, скучать тебе некогда будет, да и лишний раз в шахту некогда будет спуститься. Осенью состоится Четырнадцатая областная комсомольская конференция – значит, к ней надо готовиться... Ну, поговорил, душу отвёл? А теперь, пока не забыл, иди в мойку, закажи себе спецодежду, а у меня сейчас состоится заседание шахткома: будем путёвки распределять на весну – лето. Если успеешь за полчаса всё сделать, что тебе нужно, приходи – посмотришь, как эти вопросы у нас решаются.

И закружила жизнь шахтовая комсомольского вожака по тем планам, что обозначил Михно. Побывал он в школах, где учились дети горняков, и учителя, как показалось ему, облегчённо вздохнули, передавая списки трудных детей. Там определённо надеялись на помощь со стороны комсомольцев. Несколько семей Паша Лисьев со своими оперативниками успел навестить и даже строго поговорил с родителями. А когда один пьяненький папаша попытался выпроводить непрошенных гостей из своего дома, Паша на прощание бросил: «Мы-то уйдём, но тебя, дядя, вместе с твоим сыном заслушаем на участке перед сменой, в комитете комсомола и на заседании шахтного комитета. И вообще, ты теперь никогда не получишь путёвку на курорт, потому что не умеешь воспитывать детей!»

Позднее, выслушав рассказ комсомольцев о посещении квартир горняков, Михно сначала хотел в привычной для себя манере, но потом строго отчитал ребят: «Наказывать нерадивых родителей мы, конечно, будем, но не таким способом. И впредь не делайте из шахтного комитета какую-то пугалку!»

На том всплеск активности оперативников иссяк до лучших времён, а эти времена обозначил их командир Паша Лисьев: «Всё, будем ждать нового участкового и вместе с ним весной–летом станем гонять самогонщиков, а их на

Майке и в Чеплаевском больше, чем китайцев в Китае!»

Провели комсомольцы и субботник на очистном участке – помогли ремонтникам демонтировать старую конвейерную линию. Все добровольцы, а их было шесть человек, собрались после мойки в кабинете комитета комсомола и прозрачно намекнули комсorghу, что данное мероприятие надо бы обмыть.

– Традиции пролетариев нельзя нарушать! – поучительно заявил Слава Ковтун, почёсывая лысый затылок.

– Мужики, но у меня ничего нет, да и кто теперь по морозу потащится за три километра в магазин?

– Виктор Егорович, – умиротворяющим голосом проговорил Саша Сурков, – зная твою неопытность в деле пролетарских традиций, народ сам позаботился о себе. Слава, действуй!

Вмиг на столе оказались бутылки с водкой и лимонадом, пара луковиц, шмат сала и булка чёрного хлеба.

– Запасливые ребята! – криво усмехнулся Виктор. – Но кто вам сказал, что это пролетарские традиции?

– Как это кто?! – взвился Ковтун. – Ты думаешь, Владимир Ильич после того, как отнёс бревно на субботнике, не замахнул соточку? Зря! Там всё было по уму!

– И откуда это тебе известно, Вячеслав Николаевич? – уже с иронией спросил Виктор. – В твоём личном деле отмечено, что ты учился в школе только восемь лет, а Октябрьскую революцию проходят в старших классах, а? Ну, что молчишь?

– А это я читал не в школе, а в библиотеке, да...

– Что читал? Давай-давай, добивай фактами комсorghа, – подначил его Лисьев, нарезая сало аккуратными тонкими кусочками. – Ну, что замолчал?

– А это я у... Троцкого читал, вот! – выдохнул Ковтун, а вся компания содрогнулась от смеха.

Виктор уже понял, что ребята серьёзно настроились на маленькую пирушку, и потому решил не обострять обстановку.

– Врага негоже цитировать, Слава, – нарочито сурово произнёс Лисьев. – Но коли это не мешает нам сейчас обмыть наше комсомольское мероприятие, то бог с ним, с Троцким! Вперёд, ребята! За трудовой почин! Дай бог, чтобы этот субботник был не последним в нашей жизни!

25

И шесть гранёных стаканов дружно сошлись над скромной шахтёрской закуской на столе секретаря.

– Только в следующий раз, Витя, – морщась от выпитой водки, заявил Павел, – все расходы на себя должен взять комитет комсомола! Ведь мы же свой выходной день урobili в шахте, а это надо уметь ценить!

Впрочем, как потом понял Виктор, такие субботники не принято было проводить без повода, а все поводы заранее известны: Ленинский субботник (его они уже обмыли), День шахтёра, День ленинского комсомола. Такие даты легко запоминаются!

Однажды Виктор всё же решил сходить в шахту по собственной инициативе. Узнав, что бригада Орловского готовится побить рекорд суточной добычи на комбайн, он договорился с начальником участка и вместе с первой сменой спустился в шахту.

Медленно, почти бесшумно клять с горняками уходила в чёрную бездну. И если для бригадников Орловского такие погружения были делом обычным, а потому они весело шутили, не обращая внимания на мрачные стены ствола, то Виктор, имевший на своём счету около двух десятков спусков в шахту, по-прежнему с волнением наблюдал за проплывавшими перед глазами глыбами породы, перемежающимися тонкими прослойками угольных пластов, при этом огромные острые камни, казалось, с угрозой провожали скользящую вниз платформу с людьми. Наконец она мягко опустилась на каменистую поверхность коренного штрека, чтобы пассажиры смогли отправиться в тёмные закоулки подземных лабиринтов.

Виктор уже в который раз отметил, как изменились люди: при первых шагах под землёй они вдруг перестали улыбаться и дурачиться, лица стали серьёзными, строгими, а фразы – короткими, резкими, обильно приправленными крепким словом.

Желая понять причину такого мгновенного преобразования, он спросил об этом однажды в мойке у тех начальников участков, что уже после помывки пили крепкий чай.

– Наверху – вроде культурные люди, весёлые. В клети едут – ещё шутят, а внизу становятся сразу сердитыми, какими-то злыми, за каждым словом – мат-перемат...

Один инженер что-то ему объяснял, другой, но их слова не убеждали Виктора. И тогда нео-

жиданно вмешался заместитель начальника шахты по производству Степан Сергеевич Котляров. Этого грозного мужчину с суровым лицом многие побаивались едва ли не больше, чем самого начальника Брагина. Уже одетый, он стоял перед большим зеркалом, причёсывая на макушке жиденькие волосы, и участия в разговоре не принимал. Но, видно, его тоже не устроили те объяснения, что давали Виктору инженеры, и тогда он, громко хмыкнув, спрятал расчёску в нагрудный карман пиджака и, повернувшись к полуодетым спорщикам, сказал громко и резко:

– Да потому, молодой человек, что наверху ещё можно рожу корчить да шутки шутковать, а вот там, – он показал пальцем вниз, – все шуточки надо забыть, если хочешь вернуться живым! Газ, вода, кливаж, а то, не дай бог, механизм какой даст осечку – и всё! Тут поневоле будешь не злым, а серьёзным. Если не дурак, конечно. А почему маты-перематы? Потому что здесь, наверху, тебе можно что-то объяснить раз, другой раз, а вот там этого времени может и не быть. А с хорошим матом слова как-то быстрее доходят до человека! Уж так повелось у нашего брата-шахтёра. Ну, счастливо оставаться, господа-товарищи. А ты, Николай Иванович, – обратился он к начальнику пятого участка, – через часик загляни ко мне – разговор есть...

Рекорд у бригады Орловского как-то не задался с первых минут смены. Комбайнер Мурат Гельфанов, небольшого роста черноволосый татарин, не смог сразу завести комбайн и несколько минут ходил вокруг него, проверяя контакты электрического кабеля. Наконец агрегат взревел, показывая, что он готов к работе. Бригадир, расставив рабочих по местам, подошёл к Виктору.

– Ты, комсорг, посмотреть хочешь, как делаются рекорды?

– Ну, не только посмотреть, но и поучаствовать в меру сил. Кроме того, мне заказали подготовить материал для «Голоса шахтёра» и в «Знаменку», так что...

– Понятно... Значит, перво-наперво запомни, что ты не должен моим ребятам мешать, путаться под ногами. Они уже давно притёрлись друг к другу да и к этой лаве тоже. Видишь, какой мощный пласт? Два с лишним метра, потому и высота забоя такая. Ты помоги пока доставщикам-такелажникам затыжки сюда принести, ну а потом видно будет...

26

– Так у вас же механизированная крепь, зачем затажки-то?

– Надо, дорогой, потому как борта выработки ненадёжные, осыпаются, и потому мы их укрепляем по старинке. Ты не бойсь, комсорг, смена большая – успеешь ещё лопатой помахать, но только по моему разрешению. И никакой самодеятельности!

Ревел комбайн, запуская мощную когтистую лапу в грудь забоя; к ногам людей валились огромные угольные куски, перемежаясь с потоками мелкого, сверкающего в тусклых лучах шахтовых ламп угля; приглушённо звенели лопаты горняков, зачищавших комбайновую дорожку. Виктор же в это время с двумя ДТ, как называли на шахте доставщиков-такелажников, носил доски (затяжки) и складывал в сторонке. Другие рабочие тут же принимались укреплять ими осыпавшиеся мелким углем и породой боковые стенки забоя.

Когда старший ДТ сделал отмашку: «Довольно!», Виктор приблизился к основной группе рабочих, обслуживавших комбайн, присел у стойки крепи, радуясь тому, как споро и весело идёт работа у горняков. Поймав момент, когда один из шахтёров, оставив лопату в сторону, решил отдохнуть, Виктор схватил её и кинулся расчищать колею для комбайна. Делал это так азартно, что едва не оставил лопату под комбайном. Ему истошно кричал что-то Мурат и махал рукой, мол, отойди подальше!

Внезапно рёв комбайна перекрыл зычный голос бригадира:

– Посторонним покинуть забой!

Побросав лопаты, рабочие бросились к стойкам крепи, прижались к ним, обеспокоенно поглядывая по сторонам; машинист заглушил комбайн в плотных клубках угольной пыли. В этой резко наступившей тишине только Виктор продолжал стоять и спокойно смотреть на весь переполох. Вдруг что-то звонко стукнуло его по каске. Он вскинул глаза вверх: тёмный каменный потолок в лучах его фонаря тускло блестел. А у ног его застыл камень с острыми краями, величиною с кулак.

– Я сказал – посторонним покинуть забой, а вы-то что попрятались? – Орловский продолжал грохотать своим могучим голосом, и в замкнутом пространстве забоя от него закладывало уши. – Ты куда полез, комсорг? Под комбайн? Жить надоело?! Мне за тебя сидеть не хочется! – Он поднял тот самый камень, что упал к ногам Виктора, и поднёс к его лицу: – Ты знаешь, что это такое?

– Знаю. Камень...

– Это кливаж! Он прилетел к тебе с кровли и если бы прошёл на пять сантиметров ближе, то твой нос лежал бы рядом с ним! Ты каску-то сними, полюбуясь!

Виктор не без труда стащил с потной головы каску и обнаружил, что в козырьке имеется выемка треугольной формы, словно кто вырезал её острой бритвой.

– Да-да, товарищ комсорг! Это и есть кливаж! И чему вас только учат в институтах?! Садись у стойки и отдыхай – наработался! А вы что стоите?

– Так комбайн-то опять не заводится, – откликнулся один из рабочих, и только тут Орловский увидел, как Мурат тщетно пытается завести машину.

– Всё, хана! Не будет рекорда! – подвёл черту бригадир. – Отдыхайте, обычную норму мы уже выполнили. А ты, Мурат, с ремонтниками разбирайся, отчего твой трактор чихает! Хотя в выходной день сюда приходи, но чтобы он у тебя бегал как новенький!

– Так что ж, Анатолий Владимирович, написать мне о чём? – робко подал голос Виктор.

– А вот и напиши, как простой камень чуть нос тебе не подрезал, – какой весёлый материал получится! – И полутёмный забой содрогнулся от могучего шахтёрского смеха.

После смены вся бригада и Виктор разошлись по мойкам.

Заглянувший туда Маркин, увидев Виктора, шутовливо заметил:

– Какой ты чумазый, комсорг! Ничего, партия и комсомол всегда должны быть с народом! Как там дела у Орловского? Есть рекорд?

– По-моему, нет. Что-то с комбайном случилось...

О своих приключениях он решил не рассказывать, а каску положил на верхнюю полку шкафа козырьком к стене, дабы не было видно выбитого камнем треугольника.

Начало лета. В школах зазвучали последние звонки, появились нарядные ученики и на улицах маленького шахтёрского посёлка. У многих горняков были дети школьного возраста, у некоторых жены работали педагогами, и потому на участках то и дело заходили разговоры на эту тему.

– Сегодня утром провожал жену до школы, помог донести какое-то наглядное пособие, а там

у крыльца плачет женщина и спрашивает у завуча, где её дочка, где Лена, – сообщил пожилой горный мастер, на минуту оторвавшись от журнала, куда он записывал наряд на смену бригаде.

– У них там вчера был прощальный вечер. Всех распустили по домам ещё засветло, но домой она так и не пришла. Родители несколько раз прошли от дома до школы, все кусты придорожные осмотрели, а потом стали звонить в милицию...

– Вот, Михалыч, а когда нынче ехали на работу, то я видел, что на пустыре, за кустами лесопосадки, стоит милицейский «подсолнух», а вокруг какие-то люди что-то ищут, – подхватил тему молодой худошавый слесарь, картинно жестикулируя длинными пальцами с давно не стриженными ногтями. – Я сразу сказал про ментов, а все в автобусе стали хихикать: «В такую рань менты ещё спят с похмелья, тебе всё показало». Значит, не показалось?

В раскомандировку вошёл начальник участка, лицо его было хмуро, и все разговоры сразу прекратились.

– Я сейчас от директора...

– От начальника, Алексей Иваныч, – поправил его слесарь с нестриженными ногтями. – Ошибочка вышла, однако?

– Петров, ты уже скоро год работаешь у нас, а всё не научился разговаривать со старшими! Смотри, в мехцех отправлю, а то такой вот выскочка может и беду накликают на товарищей в забое! И запомните, что с этого года у нас не начальник, а директор шахты – Виктор Евгеньевич Брагин... И самое главное: там, на планёрке, был какой-то важный чин из милиции, он-то и рассказал, что сегодня утром подняли труп школьницы – здесь, на пустыре, между лесопосадкой и домами Чеплаевского посёлка. Её изнасиловали и убили... Задушили. Как была в белом фартучке, так и... М-да! Родители, похоже, ещё не знают, но это дело времени. Сотрудник просил, чтобы начальники участков проинформировали всех рабочих о происшествии, что я и делаю. А если у кого есть хоть какие-то сведения по данному факту – немедленно сообщить своему руководству, а уж мы ему доложим. Милиционер этот здесь будет весь день сегодня, а может быть, и завтра. Обещал по участкам пройти...

– Во, Петров теперь в шахту не пойдёт, – пошутил кто-то из рабочих. – Он машину милицескую видел на пустыре, значит, его в милицию отвезут и там пытать будут.

– Эка важность – машина, – одёрнул шутника начальник. – Вот если бы он того гада, кто это сделал, увидел да ещё поймал бы, тогда я ему до конца месяца смену бы ставил за здорово живёшь! Ну, ладно, пошутили, и хватит. Заканчивайте наряд – и марш в шахту!

Виктор присутствовал на той самой планёрке у директора и одним из первых на шахте узнал о случившемся. Когда начальники стали расходиться, Брагин попросил остаться парторга, председателя шахткома и его, Кузнецова.

Представив их милиционеру в штатском, он сказал:

– Давно у нас не было таких ЧП, поэтому, товарищи, следует подойти к этому делу очень серьёзно. Алексей Борисович, надо организовать ежедневные дежурства дружинников в тёмное время суток, по три – пять человек, на Майке, в Чеплаевском и в центре Чертинского. За дежурство предоставлять рабочим отгулы или добавлять эти дни к отпуску. Александр Григорьевич, проследи, чтобы в каждом звене дружинников был хотя бы один член партии. Теперь комсомол. Виктор Егорович, у вас оперативный комсомольский отряд работает ни шатко ни валко, а надо бы собраться!

– Виктор Евгеньевич, мы провели несколько рейдов: были в школах, ходили по домам трудных детей. Но возникли проблемы, некоторые хозяева нас не пускали даже во двор, так и говорят: «Без милиции или прокурора не ходите здесь!» Ну а мы что?

– Сергей Сергеевич, – обратился директор к милиционеру, – а это вопрос уже к вам, и справедливый вопрос. Полгода, если не больше, у нас в Чертинском нет постоянного участкового: старого забрали, а нового не прислали.

– Ну, у вас же бывают тут сотрудники из Нового Городка, из посёлка 2-3...

– Это временные, они не знают людей, не знают обстановки в посёлке, а наши дружинники и комсомольцы не знают их. Так о каком взаимодействии может быть речь?

Мужчина в штатском немного помолчал, а затем решительно заявил:

– Вы правы, Виктор Евгеньевич, это наш просчёт! Нельзя оставлять неприкрытым объект на столь долгое время. Я прямо сегодня начальству доложу ситуацию. Думаю, новый участковый появится у вас в ближайшие дни.

И действительно, через несколько дней в шахтовом посёлке приступил к работе новый

28

участковый инспектор – старший лейтенант милиции Михаил Иванович Сухоножко.

Весь июнь посёлок Чертинский жил этим событием. Сотрудники милиции исколесили все близлежащие посёлки, опрашивая людей, появлялись на каждом участке, но, похоже, следствие зашло в тупик. Особый всплеск эмоций вызвали похороны девушки. Из клуба «Горняк», где проходило прощание с погибшей, густая колонна протянулась до самого Чертинского кладбища. Помимо поседевших и почерневших от горя родителей, в колонне шли зарёванные ученики, учителя и совсем незнакомые люди. Это горе накрыло всех жителей горняцкого посёлка, а в разговорах между собой многие отмечали, что столько народу было только на похоронах шахтёров, погибших при взрыве на шахте. Русский человек умеет достойно нести боль утраты, умеет пропустить через сердце чужое горе как своё собственное, что всегда позволяло ему выстоять в лихую годину, пережить любую беду!

Время шло, а преступник так и не был найден, что рождало новые слухи и домыслы. На шахте самым просвещённым человеком в этом вопросе оказался Паша Лисьев. Много лет водил он дружбу с милиционерами из Нового Горodka, где жил и сам, и после каждого посещения второго отделения милиции «по секрету» сообщал своим комсомольцам самые свежие новости о расследовании.

От площади клуба «Горняк» шоссе шло под уклон прямо к зданию административно-бытового комбината шахты, а вдоль этого шоссе по обе стороны рос невысокий густой кустарник. В просветы между зарослей в полукилометре от дороги виднелось десятка два деревянных домов, которые являлись своего рода окраиной посёлка Чеплаевского. В самый крайний дом, с фонарём на столбе, и спешила в ту страшную ночь выпускница восьмого класса Лена Сироткина. Как правило, напрямую через поле местные жители не ходили, потому как почва там была рыхлая, суглинистая и даже тот, кто шёл в сапогах, рисковал набрать в них сухую глину и песок, а в сырую погоду здесь и трактор мог забуксовать.

Решили эту проблему с помощью шахтового руководства: в обход труднопроходимого участка была отсыпана гравием дорога, которую осветили фонарями. Теперь никакая слякоть была не страшна, а зимой этот участок периодически

расчищался грейдером. Так почему же девушка оказалась ночью на пустыре? Вслед за милиционерами эту загадку пытались разгадать и местные жители. В тот вечер собиралась гроза, всё небо было чёрным. Видимо, рассчитывая успеть домой до дождя, Лена двинулась напрямую (это расстояние всего-то триста – четыреста метров). Но тут, на погружённом во тьму пустыре, её поджидал злодей, не человек даже – нечеловек, зверь!

А гроза была, но случилась она уже под утро, смыв струями дождя слёзы и унижение жертвы, а также все следы преступления. Потому оперативники и не нашли никаких улик, а собака не смогла взять след. Через неделю ночные рейды дружинников отменили, но комсомольцы-оперативники по своей инициативе продолжали обходить окрестные посёлки, надеясь найти хоть какую-то зацепку по делу, которую могли упустить милиционеры. И в основе такого усердия ОКО (оперативного комсомольского отряда) была личная инициатива командира Паши Лисьева. Говорили даже о его зароке: если отряд найдёт убийцу, то Паша пойдёт служить в милицию.

Как бы то ни было, но со временем ажиотаж вокруг этого дела стал стихать. Словно в оправдание бессилия беловских милиционеров возникла версия о том, что преступление совершил рецидивист-гастролёр. Приехал, сделал своё чёрное дело и подался в бега. Виктор Кузнецов с членами комитета комсомола на заседаниях невольно возвращались к этой версии и каждый раз единодушно отвергали её: не может некий рецидивист, не имеющий в посёлке родных и знакомых, приехать откуда-то издалека, чтобы в одну из грозových ночей поймать случайно забредшую на пустырь девушку, совершить гнусное злодеяние, а потом бесследно исчезнуть. Ну не дух же он какой-то, не оборотень!

В один из последних июньских дней Виктор засиделся у себя в кабинете, готовя в горком комсомола полугодовой отчёт о работе комитета ВЛКСМ шахты. Вечерний шахтовый автобус уже ушёл, забрав с собой бухгалтерию, плановиков и весь инженерно-технический персонал, работающий строго по расписанию до восемнадцати часов. До следующего рейса было ещё более двух часов, и Виктор решил пройтись пешком до «Горняка», а там уже на городском автобусе добраться до родной общаги.

Несмотря на то что дорога шла в гору, Виктор двигался легко, даже скинул с себя ветровку и,

зацепив пальцем вешалку, закинул на плечо. Справа и слева шумели кронами деревья, а ниже в такт им клонили ветви кусты акации и черёмухи. Глянув на небо, Виктор решил, что скоро будет дождь, и потому ускорил ход. Остались далеко позади шахтовые хозяйственные постройки, столовая, удачно примостившаяся на склоне холма рядом с АБК, а впереди, также справа, уже замаячили крыши двухэтажных домов Чертинского посёлка.

«Ещё пять – десять минут ходьбы – и мы на остановке! Вперёд, Витёк!» – подбодрил он себя и притормозил, чтобы надеть куртку. Но вдруг из кустов, вплотную подступавших к дороге, выскочил мужчина лет тридцати. Неряшливо одетый, с густой щетиной на лице, он воровато озирался по сторонам, не упуская из виду Виктора, а правую руку держал за спиной.

– Ты чего, товарищ? Заблудился никак?

Вопрос Виктора прозвучал шутливо, но ответ был суровым:

– Щас ты заблудишься! Выпить есть?

– Нет.

Виктор тряхнул ветровкой перед лицом мужчины, показав, что в ней ничего нет, опустил руки и намеревался сделать шаг назад, но незнакомец приблизился к нему вплотную, дыша в лицо застарелым водочным перегаром.

– А деньги есть?

– Нет.

Виктор снова попытался отодвинуться от агрессивного собеседника, и опять не получилось. Сразу понял, что перед ним бандит. Беспокоила рука, которую тот прятал за спиной.

– Тогда давай куртку! – С этими словами мужик протянул руку, но Виктор отбил её.

Однако тут же ему в грудь упёрся нож с длинным лезвием, на одежде выступила кровь.

– Стой не дёргайся, а то замочу! – пригрозил нападавший.

Виктор весь напрягся, но самообладания не потерял:

– Мужик, ты что, озверел?

– Да стой ты, не дёргайся, а лучше скажи, что мне делать? Я весной откинулся, приехал сюда, а тут никого нет: кто уехал, кто помер. А мне-то что делать?! Я двенадцать лет на зоне отпахал! Я не знаю, как мне жить на воле, я назад хочу! Там всё ясно. Здесь же работать надо, а мне это запаadlo: я никогда в жизни не работал на хозяйна. Слышишь, ты? Никогда!

– Бывает и так. Но я-то здесь при чём? – Голос Виктора немного осёлсе от волнения, а бандит, похоже, принял это за сильный испуг и поэтому убрал нож от груди.

– Вот я тебя сейчас замочу и снова отправлюсь на нары, а там мне всё знакомо, там я знаю, как жить!

– За мокрое дело тебе вышака могут дать. Ты этого хочешь? – Виктор вдруг вспомнил некоторые блатные словечки и теперь уверенно выдавал их странному и страшному незнакомцу.

– Во! И что же мне теперь? – спросил бандит слегка растерянно.

– Да чего проще! Знаешь на Новом Городке магазин номер сорок? Там водку продают. Видел там, какие большие окна? Кирпичом в него долбанёшь, залезешь, а там водки – хоть залейся! А если менты повяжут, то срок дадут – попадётся туда, куда хочешь, по той статье вышку не дадут... – Сделав маленькую паузу, он для верности добавил: – Век воли не видать!

– Ну, ты! – сразу взъярился мужик, пытаясь снова уколоть его ножом. – Если срок не тянул, то так базарить запаadlo!

Только теперь Виктор понял, что этот мерзавец в самом деле может его запросто покалечить или даже убить. Ему стало по-настоящему страшно. В это самое время откуда-то снизу, где начиналась дорога от шахты, донесли голоса и звук шагов группы людей.

– Кто? Кто это? – Незнакомец нервно дёрнулся. – Ты меня не видел, ты меня не знаешь!

Левой рукой он схватил Виктора за горло, а правую с ножом держал на отлёте.

– Понял... – смог произнести Виктор.

В левой руке у Виктора была ветровка, правая рука была свободна, но он боялся даже шевельнуть ею, чтобы не спровоцировать удар ножом.

– Ладно, давай сюда куртку, – сказал незнакомец, отпустил его горло и потянулся за ветровкой, расслабившись и потеряв бдительность.

И уже в следующее мгновение Виктор нанёс ему сокрушительный удар в голову. Громко охнув, тот повалился на землю и застыл в неудобной позе.

Раздался топот бегущих людей, и вскоре Виктора окружили шахтёры, которые, так же как он, не желая ждать последнего автобуса, отправились домой пешком.

Виктора сразу узнали, обеспокоенно стали расспрашивать:

– Что случилось?

– Кто он?

– Почему валяется?

Виктор молча смотрел на лежащее тело, потом с тревогой спросил:

– Он живой?

Двое ребят склонились над незнакомцем, пошлёпали его по щекам и убедились, что он дышит. Распрямившись, один из них сказал восхищённо:

– Как ты его, однако!

– В боксе это называется свинг – боковой удар с дальнего расстояния.

– Чистый нокаут! Ты что, боксёр, что ли?

– Есть немного, – скромно отозвался Виктор.

– А за что ты его так?

Виктор молча указал на грудь: по рубашке расплылось кровавое пятно, выглядевшее особенно зловеще в свете придорожных фонарей.

– Вот подлюка! Убить хотел?

Кто-то уже успел пнуть лежащего без движения налётчика, но Виктор остановил расправу:

– Ребята, свяжите его! Он рецидивист! В милицию его надо доставить!

Потом носовым платком он осторожно обернул нож, что лежал на земле рядом с поверженным хозяином, и положил в карман ветровки.

– Там кровь и пальчики этого гада остались – следы! – пояснил он шахтёрам.

Хорошо тряхнув бандита, парни связали руки его же ремнём, потом двое подхватили под локти и повели к перекрёстку. На первом проходившем автобусе бандита доставили на Новый Городок во второе отделение милиции.

А накануне Дня шахтёра Виктор Кузнецов был награждён медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». Как потом выяснилось, на совести этого преступника была и жизнь школьницы Лены...

ГЛАВА 4

Ещё в студенчестве, готовясь по предметам история КПСС и научный коммунизм, Виктор отметил для себя, как много компартией и комсомолом уделялось внимания организации социалистического соревнования в рабочих коллективах, что отражалось в лозунгах: «Семилетку – досрочно!», «Пятилетку – за три года!», «Дню ленинского комсомола – ударный труд!». Он помнил, как студенты порой подшучивали над этими пафосными призывами, но на деле всё же старались не выпасть из дружных ко-

лонн ленинского комсомола, зная о том, что с первых дней своего существования он являлся резервом коммунистической партии, а партию в ту пору критиковать было не принято да и небезопасно. Оказавшись в Белове, Виктор уже на первом собеседовании в горкоме комсомола получил указания по обновлению наглядной агитации в здании АБК и клубе «Горняк»: «Грядёт пятидесятилетний юбилей ВЛКСМ, а у вас на шахте нет плакатов на эту тему! Только одно комсомольско-молодёжное звено, да и от него никаких рапортов не поступает! Почему-то ни одной подборки материалов о жизни шахтового комсомола в многотиражной газете «Голос шахтёра!»»

«Слава богу, – думал Виктор, – вовремя мы провели нужную работу и отрапортовали к юбилею комсомола». Но в новом году никто спрос не собирался ослаблять, и потому снова сидели комитетчики, придумывая лозунги, которые, по их расчётам, должны были мобилизовать на ударный труд как шахтовую молодёжь, так и горняков со стажем. Один из плакатов призывал рабочих предприятия: «Достоинo встретим XXI городскую комсомольскую конференцию!», а вскоре после утверждения лозунга в парткоме шахтовый художник нарисовал огромный плакат, который почти полгода встречал чертинцев на фасаде здания АБК.

В это же время повсюду звучали призывы к организации на шахте дней повышенной добычи угля. Данная инициатива исходила уже из горкома партии и треста «Беловуголь», повсеместно поддерживалась в первичных партийных и профсоюзных организациях. Сам же Виктор столкнулся с таким явлением совсем неожиданно для себя...

В один из летних вечеров, засидевшись допоздна в кабинете за документами, он наконец направился на шахтовый автобус, который на площадке перед зданием АБК поджидал задержавшихся на работе. Темнело, сумерки кутали в свои объятия редких пассажиров. Кто-то уже занял место в салоне, несколько мужчин курили у задней открытой двери. Виктор собирался было войти в автобус, как услышал громкие голоса, что доносились из кустарника, облепившего небольшой холмик слева от здания комбината. До отправления автобуса время ещё было, и Виктор решил узнать, кто же это ведёт весёлые беседы в лесопосадке. По деревянной лестнице он легко поднялся на возвышенность и обнаружил,

что за стеной кустарника, на полянке, горел небольшая костерок, возле которого расположилось с десяток мужчин разного возраста. Рядом на траве валялись пустые бутылки из-под водки, а на расстеленных газетах лежали остатки колбасы и хлеба. Трое, видимо, уже спали; один из парней, нанизав кружки колбасы на прут, пытался поджарить их на затухающем огне; остальные же о чём-то азартно спорили.

Заметив постороннего, спорщики замолчали, а потом старший из них поманил Виктора пальцем:

– Подсаживайся, товарищ, к нашему огоньку, коли пришёл.

– Да нет, я лучше пойду...

Виктор попятился было в спасительный полумрак, но парень, что жарил колбасу, вдруг проворно вскочил на ноги и потянул Виктора ближе к огню, а узнав, радостно воскликнул:

– Ба, мужики, да это же комсорг пришёл, чтобы поздравить нас с днём повышенной добычи. Так же?

– Вот видите, партком не додумался, шахтком не насмелился, а комсомол – тут как тут!

Пожилый мужчина оказался горным мастером участка и, по всему видно, был главным в этой компании.

– Молодец, секретарь! Коля, плесни комсоргу в кружечку, там ещё осталась у нас огненная вода?

– Есть, Иваныч!

Вмиг перед лицом Виктора оказалась алюминиевая кружка, наполовину наполненная водкой.

– Уважь, секретарь!

Предлагавший угощение был изрядно пьян, а в самом его приглашении ощущалась некая скрытая угроза. Виктор попытался отодвинуть от себя кружку, и тогда парень разразился криком:

– Иваныч, а он не хочет! Наверное, брезгует с шахтёрами выпить, чё делать-то? Не выпьет – значит, продаст?!

– Угомонись, Николай! – одернул парня горный мастер. – Что нас продавать, если мы честно отработали ударную смену, а теперь честно пьём на свои честно заработанные деньги. Поздравь лучше ребят, секретарь, да ступай куда шёл, коли сидеть с нами недосуг.

При мерцающем свете затухающего костра под перекрёстными взглядами горняков Виктор выпил предложенную водку, а потом, подцепив с прутика жареную колбасу, закусил ею. К счастью, в этот момент взревел мотор автобуса,

Виктор поклонился всей компании, едва выговорив «спасибо», и кинулся к остановке.

– Обломали салагу – пусть знает наших!

– Дурак ты, Николай! Парень без году неделя на шахте, наверняка ещё не знает наших традиций, а ты сразу его в стукачи записал! А может, он через год-два станет начальником нашего участка?

– Да ну, Иваныч, это я шутейно так сказал...

– Шутейно не шутейно, но этот парень если не сбежит от нас до конца года, то поймёт и запомнит, что работёнка наша непростая, это тебе не мёд пить. Оттого и хлебаем её, горькую, чтобы хоть чуть-чуть веселее мир вокруг казался. Ну, что застыли? Банкуйте, да пора по домам расходиться!

– А эти как же? – самый молодой парень показал на спящих товарищей. – Одного я ещё смогу увести, но троих...

– Ладно, сейчас тепло, дождя не будет, денег у них в карманах всё равно нет – не ограбят. Пусть спят до утра...

Так заканчивался тёплый июльский день для шахтёров одного из очистных участков шахты «Чертинская», который по укоренившейся традиции сами горняки называли днём повышенной добычи. Стране нужен был уголь, и взять его у земли могли только эти простые люди с натруженными мозолистыми руками. И уж так повелось на Руси издревле, что любое хорошее дело стоит того, чтобы отметить его чаркой доброго вина.

На следующий день Виктор встретил в коридоре Михно. Тот с кем-то разговаривал, но, увидев его, придержал за руку, а потом пригласил зайти в партком. Не чуя подвоха, Виктор шагнул в кабинет.

Прикрыв за собой дверь, Михно с порога обратился к Маркину:

– Ты посмотри, Александр Григорьевич, на этого комсомольского деятеля! Пока мы с тобой тут рассуждаем, хорошо это или плохо, он взял и сделал!

И парторг, и комсорг непонимающе смотрели на веселящегося профорга.

– Ты о чём, Алексей Борисыч?

Маркин отодвинул в сторону газету и предложил им сесть. А когда оба гостя присели за длинный стол, он повторил свой вопрос.

– У нас же вчера был день повышенной добычи... – начал Михно.

– Вот ты, Алексей, так не скажи у директора! Помнишь, он одного начальника участка припозорил: «Инженер с высшим образованием, а всё туда же – «повышенной добычи»! «Добычи» – правильно!

– Помню, конечно, но я-то сейчас сказал шутейно, да и Виктора Евгеньевича тут нет, чего бояться-то?

– Ну ладно, я предупредил тебя. Так что у вас там случилось?

– Так вот, с утра заглянул ко мне горный мастер с третьего участка, Геннадий Иванович Скворцов. Что-то про путёвки хотел узнать, а потом вдруг высказал: «Вот вы с директором да парторгом всё шпыняете нас за то, что мы обмываем каждый день повышенной добычи, а комсорг, хоть и молодой парнишка, поднялся к нам на полянку, поздравил и даже водочки выпил граммов сто – сто пятьдесят. И народу это понравилось!»

– Вот оно как? – Едва сдерживая улыбку, Маркин воззрился на Кузнецова. – Сам, что ли, догадался или подсказал кто?

– Что подсказал? – не понял Виктор.

– Как «что»? Что надо идти и поздравить ребят. Мы с Алексеем Борисычем который год не можем определиться: поздравлять или нет? Поздравим – вроде как официально поощряем пьянство прямо на шахте, а ты, видно, даже не сомневаешься. Так, что ли?

– Да нет, – стушевался парень, – не хотел я никого поздравлять... Засиделся допоздна за документами, пошёл на автобус, а времени ещё вагон до отправления. Тут слышу из-за кустов голоса, ну я и поднялся туда...

– Так, – подбодрил его Михно, – а дальше что?

– А дальше я увидел там человек десять, которые разлеглись прямо на траве и пьют водку около костерка, правда, некоторые уже спали... Я хотел уйти, но они вцепились за рукав: «Выпей с нами, а то заложишь». Я не стал с ними спорить, выпил и ушёл. Всё!

– Нет, не всё, Виктор. А колбаской жареной кто закусывал?

Михно уже не скрывал своего смеха, присоединился к нему и Маркин.

– Ну да... Закусил. А что, нельзя было? – Кузнецов удивлённо смотрел на смеющихся мужчин.

После этого вопроса они громко расхохотались, а потом, вытирая слёзы, принялись успокаивать Виктора:

– Да нет, ты сделал всё правильно: когда пьёшь, надо всегда закусывать. А вот если бы ты начал их поучать или, не дай бог, ругать да стыдить, то наверняка получил бы тумаков. Шахтёры – народ гордый, с норовом, не любят, когда над ними смеются и издеваются! Могут и шею намылить такому смельчаку! Вот тогда бы нам пришлось смеяться с Александром Григорьевичем. Ладно, всё, ускойся! – Голос председателя звучал миролюбиво.

– Да я даже не поздравлял их, а так, кружкой с водкой качнул. А когда выпил, сказал спасибо и ушёл...

– А что бы ты ещё хотел? – спросил Маркин. – Это мероприятие предельно простое: наливай и пей, можешь слово доброе сказать, рюмку поднять, а то и просто улыбнуться. Жизнь у наших шахтёриков непростая. Там, внизу, шанжками их никто не кормит, но в основной массе это нормальные советские люди и добро ценить умеют. Ну, если у тебя к ним и к нам нет никаких вопросов, то можешь быть свободным...

Виктор поднялся со стула, но Михно жестом придержал его:

– А ты что же, никогда не слышал про такие дни повышенной добычи на шахтах? Ты же практику проходил, у нас уже более полугода трудисься...

– Слышал, конечно, ещё в институте слышал. Здесь тоже слышал, но вот так впервые встретился. Комендант комбината как-то хвалился, что отучил алкашей пьянствовать на территории шахты, а тут – на тебе! Вот я и решил посмотреть, кто там нарушает комендантский приказ.

– Посмотрел? – Парторг откинулся в кожаном кресле, а по гладковыбритому лицу всё ещё блуждала улыбка.

– Посмотрел. Только вот понять не могу, как их жены терпят? Этих троих, что спали в кустах до утра. А дома-то семьи ждут!

– Ждут! Вот тут и возникает коллизия! – уже без смеха заговорил Маркин. – Ты думаешь, жены молчат? Дождёшься от них – два сапога пара! Тоже дамы с характером. Сколько они ходили первое время ко мне, к Алексею Борисовичу! К директору приходили целыми делегациями. Объясняем им, что труд их мужей трудный и опасный, что им иногда нужно снимать напряжение. А директор так и сказал им: «Ваши мужики пьют, но хорошо работают. Так за что их ругать? А вот кто просто пьёт да работает через пень-колоду, прогуливает, а ещё, не дай бог, дома

33

куражится – таким у нас на шахте не место! А вашими мужьями мы гордимся, и вы должны гордиться и прощать маленькие их слабости!» Тогда жёны стали требовать, чтобы деньги за повышенную добычу выдавали им на руки, чтобы мужики не пили! И знаешь, что им ответил директор? «Если мы им эти деньги не дадим сразу после смены, то в следующий раз никакой повышенной добычи не будет! А вы вместо своих мужей полезете в этот ад?! То-то и оно!» Убедил, однако, женщин.

– Да-а... – удивлённо протянул Виктор. – Ловко всё объяснил товарищ директор! И женщин успокоил, и мужиков защитил.

– Мы, конечно, тоже провели работу на участках: «Не дай бог, если будешь семью гонять – строго накажем!» – поддержал парторга Михно. – Ну а если кто в этот день по пути домой попадёт в медвытрезвитель, то мы чем можем помогаем им... Начальника милиции предупреждаем заранее о таких днях и просим уважить нашего брата-шахтёра. Пока работает! Иногда даже до дома провожают, сдают, как говорится, на руки жёнам.

– Да-а, – снова раздумчиво произнёс Виктор, перебарывая услышанное от старших товарищей. – Тут, получается, свой уклад, своя жизнь...

– Да, так оно и есть, и в том нет ничего странного, – горячо выпалил Михно. – Особенно если учесть, что шахтёр половину своей жизни солнца не видит: тьма, сырость, крысы, камни над головой... Твоя каска, кажется, уже познакомилась с кливажом?

– О! А вы это откуда знаете, Алексей Борисыч? – удивился Виктор.

Сам он никому не рассказывал про тот случай в забое у Орловского и каску надёжно спрятавал, а поди ж ты: начальники всё знают.

– Не удивляйся, Витя, мы все здесь, как на подводной лодке, одной жизнью живём, одними заботами, потому и держимся. Постигай эту жизнь, вживайся корнями – станешь настоящим шахтёром! И не спеши судить да клеймить нашего брата-шахтёра!

– Да нет, я понимаю, – говорил Виктор как-то растерянно, – просто для меня многое ещё вновь...

– Всё в этой жизни когда-то случается в первый раз, – философски изрёк Маркин. – Вот вы субботники проводили, в пионерский лагерь «Дзержинец» весной ездили, приводили его в порядок. Было такое?

– Было.

– А потом народ пожелал это дело отметить. Так, нет?

Виктор невольно покраснел: про выпивки после комсомольских мероприятий он никому из начальства не говорил, но, оказывается, им и об этом известно.

– Вижу, что было, а ты хотел утаить от нас. Но, сынок, мы все проходили это, когда сами были в комсомольских штанишках. Народ-то видит, что и в райкомах, и в горкомах, да что говорить, и на самом верху, – произнося это, парторг показал пальцем на потолок, – принято так отмечать свои успехи, а порой и неудачи. Пьёт Россия-матушка, но, слава богу, головы не теряет – и это уже хорошо!

* * *

Спустя какое-то время Виктору ещё раз пришлось столкнуться с днём повышенной добычи, но в этот раз он получил хорошую взбучку со стороны руководства шахты.

В первых числах августа он проводил очередное заседание комитета ВЛКСМ. После обсуждения всех вопросов по достойной встрече Дня шахтёра кто-то предложил провести рейд оперативного комсомольского отряда: «Проверим, как проводят летние каникулы дети, в каком состоянии находятся спортплощадки. Будет чем отчитываться перед горкомом».

Участковый Сухоножко, присутствовавший на заседании, неожиданно горячо поддержал это предложение, а когда комитетчики попросили объяснить, чем вызван его энтузиазм, он, хитрово улыбаясь, сообщил чуть ли не шёпотом:

– Скоро День шахтёра. А кто живёт на Майке и в Чеплаевском? Правильно – шахтёры. И как раз сейчас многие из них начинают гнать к празднику самогонку, а это, как вы понимаете, статья сто пятьдесят восемь Уголовного кодекса! Вот мы и пройдемся по посёлку, проверим, кто чем дышит, кто что пьёт. До тюрьмы дело доводить не будем – зачем обижать людей? – но приструнить немного надо!

Рейд решено было провести в пятницу, и опять вездесущий участковый пояснил причину такого решения:

– Рабочая неделя закончилась, люди уходят на выходные, и сам бог им велит заняться своим любимым делом... Да-да, самогонованием. Гонят его обычно в банях, но по старой русской привычке суббота – банный день, и в субботу

там много не заработаешь, тем более если семья большая. Опять же, нам легче вычислить этих самогонщиков: дымит банька в пятницу – значит, гоняй! Приходи и забирай его вместе с товаром!

– А если он в субботу после помывки решил выгнать эту отраву? – спросил Виктор.

– Может быть, и так, конечно, но вряд ли... Чтобы выгнать ведро самогона, понадобится весь вечер сидеть у аппарата! Конечно, кто-то и в четверг после работы может выгнать на домашней печи в кастрюле, но сколько у него там получится? Литр, два? Нам такая мелочёвка не нужна, мы пойдём на серьёзных нарушителей социалистической законности!

Речь милиционер закончил с суровым выражением лица, а лихой казацкий чуб, выглядывавший из-под козырька фуражки, казалось, так же сердито шевелился в такт словам, что чеканил его хозяин, и потому ни у кого больше не возникло вопросов.

Более трёх часов бродила по кривым улочкам Майки группа оперативников из пяти человек во главе с участковым. Одетый в гражданское, небольшого росточка, этот крепыш удачно затерялся среди своих высоких молодых помощников. «Мало ли зачем бродит по вечернему посёлку эта весёлая компания, может быть, выпить хочет» – наверняка так думали многие жители. Но когда в двух домах отряд обнаружил большие кастрюли с бурлящей на раскалённой печи брагой и хозяев понудили самим вылить варево в огороде, обещая взамен не прибегать к наказанию виновных, по посёлку быстрее молнии разнеслась весть: «Облава! Ловят самогонщиков!» И больше здесь никто не попался под карающую десницу участкового и оперативников.

– Всё, ребята, тут мы засветились, надо выдвигаться в Чеплаевский. Там про нас пока никто не знает. Вперёд!

Видя реакцию жителей Майки, а главное, помня, как его комсомольцев в Чеплаевском бесцеремонно выставляли со дворов, когда они проводили рейды самостоятельно, без милиционера, Виктор сразу поставил условие старшему лейтенанту:

– Во избежание возможных скандалов, Михаил Иванович, в дома входите будете вы, вам закон позволяет, а мы...

– А вы будете ждать во дворе, где я вам укажу. А один из оперативников всё же пойдёт со мной, как говорится, подстрахует с тыла!

Пока добрались до посёлка, совсем стемнело, и только запад едва освещался последними лучами ушедшего за горизонт солнца. Но жизнь посёлка не остановилась: по улицам, которые освещались фонарями, на велосипедах и самокатах катались дети, женщины с вёдрами и подойниками хлопотали около коров, беспокойно ревущих в сараях, а мужики по большей части сидели на крылечках своих домов или лавочках, врытых прямо у калитки, и курили, по-хозяйски поглядывая на снующих по двору жён и резвящихся детей. Оперативники проходили по улице степенно, неторопливо, вызывая неподдельный интерес у местных жителей. Михаил Иванович незаметно обводил взглядом округу, стараясь обнаружить дымящие в неурочное время трубы бань, и порой останавливался неподалёку от такого объекта и приноживался к исходящему от него дыму.

Наконец у дома, стоящего на отшибе посёлка, он решил войти во двор и постучал в дверь. За собой он поманил самого спокойного из оперативников – Александра Суркова, шепнул ему на ухо:

– Тебе делать ничего не надо, смотри только, чтобы кто-нибудь сзади меня по голове не огрел. Да и себя заодно побереги!

35

Дверь открыла немолодая женщина. Она была явно чем-то раздосадована и потому встретила незваных гостей неласково:

– Что надо? Что вы шлёетесь в такое время? Или на первачок заглянули? Так я вам сейчас весь котёл на башку вылью!

Заслышав ругань, из избы в сени вышел мужчина, и через щель приоткрытой двери участковый разглядел пышущую жаром печку, в которой клокотал самодельный самогонный аппарат.

Чуть потеснив женщину, участковый сунул прямо в нос мужчине служебное удостоверение и сурово произнёс:

– Вы-то, гражданин, нам и нужны! Прошу одеться и следовать за мной!

– А-а! – благим матом взревела женщина, пытаясь оттолкнуть милиционера. – Говорила я дураку, а он всё не слушал! Гнал да пил, а сейчас и самого приберут к рукам! Так тебе и надо, алкаш ненасытный!

– Гражданка, если вы будете так шуметь, то мне придётся и вас забрать в милицию! – строгим голосом заявил участковый.

– А кто детей будет воспитывать? Ты, что ли?! У меня их трое, и все ещё учатся!

– Чему учатся? Как самогон гнать? Вас, мужчина, я прошу собраться, а аппарат мы заберём как улику вашего правонарушения.

От такого поворота дела мужчина был явно в растерянности, зато женщина не успокаивалась:

– Да заберите вы этот аппарат со всей сивухой, только этого дурня оставьте дома! Не пугайте детей!

– Женщина, дети боятся не нас, а вашего истошного крика. Успокойтесь, пожалуйста! Позвольте нам снять агрегат с печки... Саша, Павлик, ставьте его на пол.

Обойдя хозяев в просторных сенях, Лисьев и Сурков подхватили какие-то тряпки, что висели на бельевой верёвке, вынесли ведёрный бидон с кипящим варевом на крыльцо, а сами молча встали в сторонке, ожидая дальнейших команд.

– Ах так? – взвизгнула женщина и, схватив голыми руками раскалённый бидон, швырнула его вниз.

Раздался хлопок, словно приглушённый выстрел, крышка бидона открылась, и клокочущая вонючая жижа растеклась по ограде. Спираль змеевика обломилась и лихо скаканула куда-то во тьму. Стоявшие у крыльца Кузнецов и Василиук едва успели отскочить, чтобы не быть ошпаренными.

– Я тебе всегда говорила, дурак! – продолжила причитать женщина, но теперь она уже колошматила мужа кулаками с таким азартом, что участковому пришлось силой его отнять и вывести во двор под защиту находившихся там оперативников.

– Мужик, у вас всегда так? – Василиук с испугом смотрел то на мужчину, то на беснующуюся женщину.

– Это ещё что... – промямлил тот. – Если вы меня не заберёте сейчас, она вообще меня прикончит! Я и одеваться не буду, пойду в трико...

Виктор, молча наблюдавший за разыгравшейся на его глазах драмой, каким-то внутренним чутьём понял, что прикончить своего непутёвого мужа эта женщина не прикончит, а кричит так неистово, чтобы спасти его от милиции и возможной тюрьмы. Понял ещё, что и мужик на долгое время запомнит урок и в следующий раз не попадётся за таким постыдным делом, как самогонование.

Воспользовавшись тем, что женщина, оставив их, бросилась в дом, откуда доносился детский рёв, Виктор отозвал Сухоножку в сторону и твёрдым голосом заявил:

– Михаил Иванович, своё дело мы сделали! Аппарат и самогон уничтожены, дети ревут, женщина сходит с ума, мужик, наверное, уже обделался с перепугу. Не хватит ли на сегодня? Если она пожалуется в партком или горком, нам тоже достанется, ведь уже десятый час вечера! Уйдём от греха подальше!

Милиционер помолчал в сомнениях, но в итоге согласился с доводами Виктора, и, когда женщина выскочила во двор с ребёнком на руках, он уже примирительным тоном сообщил:

– Мы понимаем ваше горе, гражданка, поэтому оставляем вам мужа, но надеемся, что впредь это не повторится. Я потом обязательно проверю, а сейчас – до свидания!

Какое-то время вся группа шла по посёлку и удручённо молчала: столкнуться с такими страстями никто не ожидал. Первым молчание нарушил участковый:

– Ребята, конечно, не совсем складно получилось, но мы должны быть готовы и к таким экс... эксц...

– Экссессам? – подсказал ему Виктор.

– Да, именно это я и хотел сказать. Но уйти отсюда просто так мы не можем: порожняк получается. О чём мне докладывать начальству? Разве что про эту бабу-истеричку. Предлагаю ещё пройти в конец улочки, вон большой дом стоит, а из бани дым коромыслом вьётся... Говорить буду я, но очень осторожно. Так надо!

Просторный двор большого рубленого дома освещался несколькими фонарями, которые, видимо, оборудовал сам хозяин. По двору в трико, майке и с папироской во рту разгуливал мужчина лет сорока. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что он изрядно пьян и ему явно хочется с кем-то пообщаться.

Завидев около дома группу из пяти человек, он подошёл к ним с вопросом:

– Кого ищем, хлопцы?

– Иван Петров где проживает? – выступив вперёд, спросил милиционер.

– Такого отроду здесь не было.

– А папироской не угостишь, хозяин?

– А нате вам! – Мужчина протянул початую пачку «Беломора», затем дал прикурить от своей папироски.

Участковый пошевелил носом, и ноздри его хищно задрожали, вбирая в себя запах, исходящий от топящейся в огороде бани. И, конечно, даже дым папиросы не помешал ему различить, что и от мужчины пахнет свежим самогоном.

– Приподзнулся ты что-то, никак в бане мылся?

– Да, попарился чуток, ну и клюнул маленько, чтобы крепче спалось.

– Я бы тоже клюнул с устатка...

– Был бы ты один, а на всех у меня не хватит.

– А они не пьют, они все «заштопанные», с «торпедами» живут, а я вот нет...

Мужчина хохотнул довольно и позвал нового знакомого за собой во двор. Сухоножко незаметно дал знак всем оставаться на местах, а сам отправился вслед за хозяином.

– Дома жена, сам понимаешь, приходится маскироваться в бане...

По пути милиционер заметил блеснувшую в траве спираль змеевика, что лишний раз убедило его: расчёт оказался верным.

Печка в бане ещё дышала жаром, но тазиков и веников на полке не было, да и сам полок был сухой, как и кусок мыла, что лежал в углу.

– Посиди чуток, я щас. – Схватив ковшик с полка, хозяин вышел, но вскоре вернулся и протянул гостю уже наполовину наполненный едко пахнущей жидкостью: – Вот, а на закусочку сорвал пару огурчиков, угощайся, товарищ!

Михаил Иванович поднёс ковш к лицу, понюхал, но пить не стал.

– Не могу так, запить бы надо.

– Вот чёрт! – ругнулся хозяин. – А у меня тут только кипятик в бачке... Ай, пойдём на улицу – там колодец.

Когда они вышли из бани, у двери встретили оперативников. И Паша Лисьев почти по военному доложил:

– Товарищ старший лейтенант, в курятнике я обнаружил двухведёрную флягу с самогоном. Что делать?

– А как ты её обнаружил?

– Так он же с ковшиком выскочил – и туда! Вот она!

В это время Василюк и Сурков поставили рядом с хозяином и милиционером металлическую флягу. Едва открыли крышку, как в носшибанул острый запах самогона.

– Ну вот, дядя, ты и попался! Он ещё тёпленький даже. Будем изымать!

Похоже, хозяин был на грани обморока и только приговаривал:

– Вы чё, мужики, в натуре?!

– Сейчас составим протокол изъятия, заберём это изделие, а потом получишь штраф. А если найдём тех, кому ты его продавал, тюрьма тебя ждёт, дорогой!

Здесь же, в бане, при тусклом свете лампочки милиционер наскоро заполнил протокол изъятия фляги с самогоном и потребовал, чтобы хозяин его подписал.

– Н-не буду, – неуверенно проговорил тот.

– Да и хрен с тобой, только я напишу, что изъяли у тебя не одну флягу, а три, а свидетели подтвердят – вон их сколько! Ну!

Не переставая охать и материться вполголоса, мужчина подписал бумагу, после чего, захватив с собой тяжёлую флягу, оперативники покинули двор ошарашенного хозяина.

Когда добрались до шахты, было уже за полночь. Сухоножко предлагал флягу оставить в кабинете комитета комсомола, поскольку в его кабинете, которой он занимал в поселковом ЖКО, дверь совсем ветхая да и сторож бывает на дежурстве не каждую ночь.

– А в милицию? – спросил Виктор.

– Это что же, три километра её тащить туда? Не-ет!

– А если дежурку вызвать? – продолжал настаивать Кузнецов.

Ему очень не хотелось оставлять флягу с вонючей и такой заманчивой жидкостью в своём кабинете. К тому же он боялся, что запах потом неделю не выветрится. Замучаешься объяснять, почему здесь самогоном воняет.

– Просто так машину не погонят сюда в час ночи, да и она сейчас может быть на происшествии. А если же сказать, что изъяли флягу с самогоном...

– ...сразу весь дежурный наряд прилетит, – со смехом продолжил Паша Лисьев. – Но уже завтра самогона во фляге не будет, а может, и самой фляги тоже. Ребята там лихие работают, я-то знаю.

– Правду говорит, – согласился милиционер, – поэтому давай оставим в твоём кабинете...

Два выходных дня Виктор не появлялся на шахте, посвятив их походу на кладбище, где привёл в порядок могилы родственников и сделал необходимые замеры, чтобы потом заказать в мехцехе металлические памятники.

А в понедельник, войдя в кабинет, он аж закашлялся от невыносимого запаха самогона. Закрыв дверь на ключ, Виктор кинулся открывать форточки, после чего осмотрел флягу: бумажная пломба, что навесил на неё участковый, была нарушена, крышка фляги приоткрыта, а внутри

только на самом дне плескалась мутноватая жидкость – остатки трофейного самогона.

Удручённый, он сидел за столом, пока не спохватился, что нужно идти на планёрку к директору. Но тут как раз зазвонил телефон, и Михно непривычно сухим тоном проговорил:

– На планёрке сегодня тебе лучше не появляться, я скажу, что ты в горкоме. А потом зайдёшь в кабинет парторга...

Виктор почувствовал, что над ним собирается гроза, но, что делать, он не знал. Голова не слушалась, а фантазии у него хватало только на то, чтобы ещё раз осмотреть флягу.

– Ну-ну, заходи смелее, товарищ комсорг, – ледяным голосом пригласил к себе в кабинет Маркин.

Рядом с ним сидел Михно.

– Как здоровье? Голова не болит? – участливо спросил профорг.

– Да нет. А с чего бы?

– А ты знаешь, почему я тебе не советовал появляться сегодня у директора? У нас же ЧП в субботу произошло. Бригада Орловского решила провести неурочную вахту – день повышенной добычи, чтобы догнать Путро перед Днём шахтёра. Хорошо поработали, дали полторы нормы, а потом вся вторая смена перепилась в кустах, троих даже в больницу пришлось отправлять. Догадываешься почему?

Виктор уже понял причину гнева начальников, но голова его непокорно крутилась из стороны в сторону: не знаю, мол.

– Ты заметил, сколько самогона у тебя во фляге осталось? Выпили шахтёрики, видно, мало показалось, а тут кто-то подсказал, что у комсорга целая фляга этой гадости – и пошла гулять губерния!

Виктор сидел молча, кусая губы, а когда возникла пауза, поспешил хоть что-то сказать в своё оправдание:

– А я-то здесь при чём? Меня не было на шахте два дня. Я им не наливал, они, наверное, сами как-то забрались, потому что кабинет был закрыт...

– Сами, конечно, сами. Техничка новенькая у нас, убрала у тебя в кабинете, пошла менять воду, а дверь не закрыла. А такой запах даже последний соплик учует! Вот они почти ведро и выпили, а потом чуть не угорели!

– Александр Григорьевич! Алексей Борисович! Но я-то при чём здесь? Меня же не было

на шахте! Это участковый попросил оставить до понедельника, потому как ему некуда было спрятать! Я отказывался как мог...

– Ладно, – уже несколько мягче сказал Маркин. – Самое страшное позади. Сегодня досталось и горному мастеру смены, и бригадиру, хотя он в тот день не работал, и начальнику участка. И тебе бы не миновать выволочки, Виктор Егорович, да вот скажи спасибо Алексею Борисовичу: спас он тебя от головомойки. Конечно, Виктор Евгеньевич ещё не раз это всем напомнит, и тебе в первую очередь, но, как вы знаете, время лечит. Но ты, Виктор, учти, что у тебя здесь кабинет для комсомольско-партийной работы, а не хранилище для всякой ерунды. Завтра твои оперативники найдут обрезы или шахтовую взрывчатку и притащат к тебе в кабинет, а кто-то украдёт да сотворит что-нибудь?! Тут и тебе прямая дорога в тюрьму, и участковый уже не поможет... Да его самого в кутузку отправят за такое!

Ещё долго воспитывали Виктора старшие товарищи, но тон их уже не был таким суровым, где-то даже проходили шутки. Но одно условие было категорично: никаких криминальных вещей в кабинете Кузнецова быть не должно!

38

ГЛАВА 5

Позднее не раз приходилось Виктору решать проблему, казалось бы, несовместимую с его комсомольской работой: пить или не пить по всякому мало-мальски подходящему поводу?

Выросший в семье, где спиртное не приветствовалось, он и в институте уклонялся от застолий с водкой или вином, за что и слышал иногда вслед ироничные реплики сокурсников: «Витя у нас нраф-фственный, он не пьёт, а только закусывает!» Слова эти, сказанные без злости, мало трогали его. «Не хочу и не буду», – решил он для себя и отправлялся вместо кафе или пивбара в библиотеку, спортзал или на футбольную площадку в студенческом городке. При этом рядом с ним всегда были друзья, которые исповедовали такой же образ жизни.

Иная обстановка окружала его на шахте. Уже в первые месяцы работы он подметил, что в коллективе существуют определённые группы, объединённые как кругом служебных обязанностей, так и возрастом. «Кружки по интересам» – так кто-то в шутку называл эти группы, и название прижилось. Со временем сложились и традиции, которые определяли образ существования: в ка-

ком составе и где собирались эти «кружки», когда и как часто.

Для первых руководителей шахты и главных специалистов (а это были серьёзные мужчины в возрасте сорока лет и более) родной обителью стала директорская мойка, куда входила и душевая, и баня, и комната отдыха с обязательным самоваром. Что ни говори, а после выхода из шахты испытываешь огромное удовольствие под струями горячей воды в душевой, потом в парной с берёзовым веником, а уже истинное блаженство наступает в комнате отдыха, в мягком роскошном кресле, когда ты попиваешь душистый чай из разнотравья. Впервые посетив этот райский уголок, Виктор, кажется, навсегда уяснил для себя, что жизнь хороша и жить хорошо!

Если это был конец второй смены и уже не нужно было спешить в свой кабинет, к чаю мог вполне логично добавиться и коньячок (водка здесь считалась признаком дурного тона). Не приветствовалась такая вольность, только когда в мойке оказывался директор шахты, который в этом вопросе придерживался почти пуританских правил. Виктор Евгеньевич наверняка знал о «маленьких шалостях» подчинённых, но относился к ним лояльно, потому как понимал: случись что серьёзное – вся эта команда будет готова идти в шахту прямо отсюда, отбросив веник и едва запахнув на себе простыню!

Были у завсегдадаев этого элитного «кружка» свои традиции. Например, если имелся значительный повод для встречи, то сюда заранее поступал заказ протопить баньку и заинтересованные лица в конце рабочего дня собирались со своими запасами спиртного и закуски. Тогда-то и наступали особенно радостные минуты общения мужской компании: тосты, шутки, разговоры. И хотя разговоры эти почти всегда касались работы, велись они уже в другом тоне, не таком, как на производственных совещаниях или планёрках: казалось, сама здешняя обстановка сглаживала острые углы.

Членами такого «кружка по интересам» кроме директора и его заместителей были все «главные»: инженер шахты, механик, энергетик, парторг, председатель шахтного комитета, районные инженеры, начальники участков. Волею судеб в их число попал и Виктор Кузнецов. Надо отдать ему должное: с детства приученный к строгой субординации, Виктор появлялся здесь только после спуска в шахту и никогда не претендовал на «спецпомывки» по какому-то иному

поводу. «Мой сверчок знает свой шесток», – твёрдо решил он для себя.

Ниже рангом, но более многочисленным был «кружок», в состав которого входили заместители начальников участков, механики и горные мастера, те, за кем укоренилось короткое название ИТР (инженерно-технические работники). Основная масса итээрзовцев пребывала в возрасте, близком к тридцати. У них не было такой райской купели, как у главных специалистов, но и мойка горных мастеров помогала им после выхода из шахты устраивать импровизированные фуршеты прямо в раздевалке, где хранилась чистая одежда и где как бы случайно стояли в углу два-три столика, а у запасливой банщицы всегда под рукой находилось с десяток рюмочек и стаканов для неугомонных мужчин. Но это был своего рода экспромт, на тот случай, если кому-то захотелось что-то срочно отметить; для постоянных членов «кружка», составлявших его костяк, был свой уголок в просторном кабинете участка дегазации.

39 Сам участок располагался в конце длинного коридора, куда мало заглядывали сторонние люди, что позволяло сохранять эти встречи в относительном секрете от широкой шахтовой публики. Начальник участка добрейший Афанасий Фёдорович, как и многие другие начальники участков, давал наряд первой и второй сменам, после чего оставлял участок на попечение энергичного заместителя, в данном случае – Владимира Ильича, который был ещё и заядлым шахматистом. Именно по его инициативе все имевшиеся на участке столы были разрисованы шахтовым художником под шахматные доски, а в каждом ящике стола имелся комплект фигур. Тут-то среди ИТР и разворачивались настоящие шахматные баталии. А в самом углу кабинета за клеёнчатой ширмой находился другой столик, но вместо шахмат на нём стояли бутылки со спиртным, лёгкая закуска, папиросы, сигареты, спички, пепельница, и игроки, оставив на время партию, могли зайти за ширму, выпить и покурить, после чего возвращались к игре.

Впрочем, и здесь существовали свои непреложные правила: опрокинуть рюмочку-другую мог только тот работник, кто после игры отправлялся домой; те же, кому предстояло дежурить ночь, довольствовались лишь чаем или кофе. Виктор, пристрастившийся к шахматам ещё в студенческие годы, не раз бывал в этой компании, играл и зачастую обыгрывал местных

авторитетов. Но главное, что здесь, среди сверстников, ему было гораздо интереснее, комфортнее, нежели с главными специалистами. Однако и в этой компании он не позволял себе ничего лишнего и никто из товарищей никогда не видел его пьяным. Впрочем, это было законом для всех членов итээровского «кружка по интересам», а грубо нарушавших отваживали от коллектива.

Как проводили досуг рядовые шахтёры, было всем известно: обмыть получку или аванс – святое дело! Отметить же юбилей уважаемого работника, трудовой рекорд или дни повышенной добычи – обязательно, но только если позволяют обстоятельства. Определённого места для таких мероприятий не было. Оно могло состояться на участке вечером, когда строгое начальство уезжает домой; летом – на той же полянке около здания комбината, где однажды Виктор застал такую компанию. Наконец, развесёлый коллектив горняков могло приютить в своих стенах недавно открывшееся на Новом Городке кафе «Ромашка».

Но было шахтовое событие, которое собирало за одним столом слесарей, горнорабочих, горных мастеров, начальников участков и даже главных специалистов предприятия (вплоть до директора), – сдача в эксплуатацию новой лавы. Плод коллективных усилий работников разных рангов никогда не оставался без должного внимания, потому как новая лава – хороший задел на будущее не только для данного участка, но зачастую и для всей шахты. Это надежда на успешное выполнение плана и социалистических обязательств, а значит, достойная зарплата и гарантия того, что над зданием их административно-бытового комбината будет гордо гореть красная звезда.

Главным распорядителем такого мероприятия всегда выступал начальник того участка, которому готовили лаву. Именно он приглашал своих рабочих (не всех, а обычно тех, кто, по его разумению, достойно поработал при подготовке лавы), кто умел прилично вести себя на людях и жёны которых не ходили с жалобами к начальству. Ещё он приглашал горных мастеров, начальников и заместителей тех участков, чей вклад в подготовку был наиболее весомым. А в качестве особо почётных гостей выступали главные специалисты шахты и, конечно, директор. И тут уж нельзя было отказать радушному хозяину. Такова была шахтёрская традиция: если лаву

хорошо не обмоешь – намучаешься с ней потом и каждая тонна угля будет даваться с боем!

Иного взгляда на подобного рода мероприятия придерживался директор шахты Брагин. Не большой любитель бражничать в тесном душном помещении, для славной пирушки он предпочитал вывезти подчинённых на природу, подальше от глаз людских, как правило на озерцо на окраине Нового Городка. Там поначалу одни готовили шашлыки да накрывали «полянку», а другие гоняли в футбол. Наигравшись, разгорячённые, потные горняки со смехом и рёвом бросались в прогретые за день воды озера, после чего их ждал праздничный стол, горячие тосты, холодная водка и весёлые разговоры. Но такие выезды были возможны только летом, поздней весной или ранней осенью, и только при хорошей погоде. Зимой же и в ненастную пору собирались в небольшом зале шахтовой столовой.

В этот раз поздравления принимал очистной участок номер три. Лава была нарезана на втором горизонте. Мощностъ пласта достигала двух метров, что позволяло использовать новый механизированный комплекс и широкозахватный комбайн. Результат анализа горно-геологических условий новой выработки – малые загазованность и обводнённость – давал большие надежды на то, что сюрпризов от природы не будет и уголь из забоя бесперебойно пойдёт на-гора.

Поскольку директор на этом мероприятии не присутствовал, первым поздравил «именинников» заместитель по производству Степан Котляров. Говорил он недолго, рублеными фразами, при этом на его хмуром лице не было и тени радости.

Все за столом приняли это как данность, тоже сидели с серьёзными лицами, и только Михно не удержался от шутки:

– Степан Сергеевич, вроде ты поздравил мужиков, а как будто похоронил кого-то... Хоть бы улыбнулся в самом конце!

Вся компания взорвалась хохотом, и напряжённость ушла.

– Ну вот, Алексей Борисыч, – сказал Котляров председателю шахткома, – одним махом ты развеселил всех мужиков и даже меня. – И на его полном, чуть одутловатом лице проявилось некое подобие улыбки, что вызвало у присутствующих новую волну смеха.

Веселье продолжалось третий час. Тосты сыпались один за другим, порой причудливо по-

втораясь, за столом не утихали громкие разговоры и смех, а под потолком висела туча табачного дыма. Виктор сидел среди горных мастеров участка, регулярно поднимал стакан, но пил из него совсем понемногу.

К выходу стал пробираться Михно, а когда проходил рядом, слегка потянул Виктора за рукав, приглашая в коридор.

– Как самочувствие, комсорг? – спросил он там.

– Нормально! Какие-то команды будут?

– Правильно разумеешь! Видишь, – он кивнул на приоткрытую дверь, – кое-кто из ребят перебрал... Ну не все же такие здоровяки, как ты! – И он хлопнул Виктора по плечу.

– Да ну, скажете тоже...

– Ну ладно, к делу. Видишь Калинина?

– Начальника одиннадцатого участка?

– Да, его. Он всегда так – слаб против водки! Его надо будет доставить домой. Дойдёт-то он сам, но подстраховать нужно, чтобы не заблудился или кто не обидел уставшего человека... И это должен будешь сделать ты.

– Почему я?

– Потому что ты молодой, сильный и... непьющий. Он живёт в здании, где кафе «Ромашка», квартира двадцать, второй этаж... Только смотри на глаза его жене не попадайся – это семейный директор, а Виктор Александрович при ней вроде как горный мастер или механик. Поставишь его аккуратненько к двери, позвонишь, а сам – в сторону, за выступ... А я помогу Афанасию Фёдоровичу, он в моём доме живёт, в соседнем подъезде. Ну, а вообще-то как тебе мероприятие?

Виктор не понял, с какой целью был задан вопрос, и потому ответил с осторожностью:

– Да вроде ничего... Весело было...

– Вот! А это, Виктор, самое главное, чтобы в жизни шахтёров было побольше светлых, весёлых дней, пусть вот так, за столом, с друзьями! Они же большую часть жизни проводят в темноте, среди холодного камня. Комбайн железный и тот ломается, а что ты хочешь от живого человека? Я давно наблюдаю за тобой, и мне кажется, ты начинаешь понимать и жизнь шахтёров, и смысл своей работы. Так, нет? Тебя всё ещё тянет к железу или страсти чуть поутихли?

– Вы знаете, уже меньше тянет, мне моя работа нравится, с живыми людьми. Не знаю, правильно ли это?

– Всё правильно, сынок! Как классик говорил: «Верной дорогой идёте, товарищ!» Ты пом-

нишь, как мы с тобой навешали в больница наших горняков перед Днём шахтёра? Взрослые люди, а как дети тянутся к тебе. Доброе слово, подарок от шахты, но чтобы обязательно в нём была бутылочка вина. Традиция! Не нами заведена – не нам её и нарушать! А помнишь Николая, которому ноги отрезало? Они же, черти, когда ходят по уклонам, норвят где-то путь подсократить и прокатиться на конвейерной ленте: зачем ноги бить и эти сто метров в гору тащиться? Падают на движущуюся ленту и едут. Все знают, как надо прыгивать с неё на ходу, чтобы не затянуло под ленту, а Николай сплеховал: спустил ноги, как будто в бане с полка, а тут их и затянуло под ролик. И всё – обе ноги потерял. Здоровенный мужик, а глаза как у ребенка: вот-вот заплачет! А мы с тобой, дирекция шахты должны помочь ему перенести это горе, его семье помочь. Ведь у него двое малых пацанов! Так что если ты оставишь в покое эти железки, продолжишь работать с людьми – это будет правильно! Ну, пойдём за стол, а то скоро автобус придёт...

В конце ноября в Белове состоялась XXI городская комсомольская конференция, которая, по мнению Виктора Просина, прошла на хорошем уровне.

Наблюдая, как делегаты начинают разъезжаться, он остановил в холле Кузнецова и сказал ему:

– Я предупреждал, что, может быть, тебе слово дадут: всё же хорошие результаты у вашей организации за отчётный период. Но не получилось, извини.

– Да я и не напрашивался, – пожал плечами Виктор.

Он хотел уже было пройти к гардеробу, где его ждали Лисьев и Сурков, но заворг продолжал рассуждать:

– Напрашивался или нет, не имеет значения. Существует партийно-комсомольская дисциплина: скажут – и будешь петь с трибуны как соловей!

– Не буду! – с лёгким раздражением ответил Виктор.

– Да ладно тебе дуться-то! Ты посмотри только, кто выступал на конференции: первый секретарь горкома, второй секретарь обкома комсомола, секретарь парткома. На следующей такой конференции тебе точно слово дадут, так что не унывай и готовься!

– Что, прямо с завтрашнего дня начать готовиться? – ехидно спросил Виктор.

Мимо них проходил первый в сопровождении вновь избранного в аппарат горкома третьего секретаря Зои Власовой. Он услышал громко сказанные Кузнецовым слова и остановился:

– О чём спор, молодёжь?

– Да вот, Геннадий Нилович, я объясняю Кузнецову, что в этом году комсомольцы «Чертинской» хорошо поработали и если темп не потеряют, то на следующей конференции с трибуны ему придётся выступать и делиться опытом!

– Действительно, вы хорошо поработали, о чём я сказал в своём докладе. Поздравляю, Виктор! – Первый крепко пожал ему руку. – Но готовиться к следующей конференции, Виктор Иванович, всё же рановато. А вот если удержат чертинцы боевой настрой, то возьмём его с собой на областную комсомольскую конференцию, да не одного, а целую делегацию. Ну а ты, Виктор Иванович, не донимай его досужими разговорами, отпусти, а то ведь ему ещё до Нового Городка добираться целый час, да и друзья его уже зовут. Всего доброго, Виктор!

В один из предновогодних дней в кабинете Виктора зазвонил телефон. Не отрываясь от бумаг, он снял трубку:

– Комитет комсомола на проводе!

– Я хотела бы услышать Кузнецова. – Женский голос в трубке был слаб и дрожал, похоже от волнения.

Голос показался Виктору знакомым, но он всё же переспросил:

– Вы кто? По какому вопросу?

– Витя, это Ульяна Васильевна. Я звоню с хлебозавода, из диспетчерской, разрешили на минутку...

– Ульяна Васильевна! Не узнал сразу – богатой будете в новом году!

– Как же, разбогатеешь тут... Я что звоню, Витя. Я уезжаю в Кемерово. Дёма машину прислал за мной, она уже ждёт...

– Тётя Уля! А я только собирался к вам на Новый год, уже и подарок купил... Как же так?

– Так получилось, Витя. Дёма женился, я же говорила тебе, а сейчас им с Леной дали двухкомнатную квартиру – вот он и забирает меня к себе. «Хватит, – говорит, – мама, в бараке жить, теперь будешь на мир со второго этажа смотреть!»

– Здорово, тётя Уля! Как он? Где он?

– На «москвиче» из Кемерово приехала его жена Лена. Они вместе работают на шахте «Липичевская». Он – механиком участка, а она – в плановом отделе. Оба живы-здоровы. Тебе кланяются!

– Тётя Уля, простите меня, я ведь в этом году у вас так ни разу и не побывал! Позор на мою голову!

– Витенька, не кори себя. Ты молодой, у тебя работа беспокойная. Понимаю тебя. Я по осени была на кладбище и видела, как ты обустроил могилки родных, молодец! Где же ты железа столько нашёл? Памятники красивые, а у Алёны Ивановны крест кованный. Молодец, что своих не забываешь!

– По весне я ещё оградку сделаю: мехцех хорошо помогает! Как же вы грузиться-то будете? Давайте я через час-другой подъеду к вам и помогу?

– Да что мне грузить-то? Нашёл богачку! Две сумки только с собой и беру: в одной – одежонка, что поновее, а в другой – посуду собрала. Неужто я стол и койку железную потащу с собой? Всё зараз в машине и увезём. Невестка ждёт, дорога-то неблизкая... Так что, Витенька, прощай...

– Что вы, тётя Уля?! До свидания! Первая служебная поездка в Кемерово – и я вас найду!

– Да-да, конечно, до свидания. – Виктору показалось, что голос её осёкся, но потом зазвучал по-прежнему: – Ты не женился ещё, Витя?

– Нет, тётя Уля! Я ещё молодой жениться, да и невест вокруг не так много – всё мужики уса-тые да бородатые!

– Правильно, Витя, жениться нельзя торопиться. Но и тянуть с этим долго не надо. Знаешь, как у нас в старину говорили: престарелый жених хуже старой девы!

– Да мне всего-то двадцать пять... скоро будет.

– Ну и славно! Хороший возраст: жить да жить!

В трубке что-то зашумело, и связь оборвалась. Виктор сразу пожалел, что не успел спросить её о здоровье: слабый дрожащий голос, это «прощай»... Пришла мысль позвонить на шахту Дёме, но Виктор тут же отбросил её: и там, и на их шахте в город выходили через коммутатор, а междугородняя связь работала с перебоями, даже если звонишь с почтамта. И он дал себе зарок – навестить друга при первой же командировке в Кемерово.

Между тем шахта «Чертинская» продолжала удивлять Кузбасс и всю страну: редкий квартал здесь не били свои же рекорды. Уже не раз горняков после ударной смены встречали на поверхности с цветами, шампанским, под гром музыки духового оркестра, который специально приглашали из клуба «Горняк». И трудовой порыв шахтёров-чертинцев был заслуженно отмечен государственными наградами: бригадиру очистной механизированной комплексной бригады Николаю Максимовичу Путро было присвоено звание Героя Социалистического Труда; орденом Ленина и знаком «Шахтёрская слава» разных степеней были награждены члены его бригады, горняки других участков. Юбилейный год 100-летия вождя революции чертинцы встретили достойно.

* * *

Подготовка к Дню шахтёра на «Чертинской» всегда начиналась задолго до самой даты. Готовились к нему и комсомольцы. Набросав примерный план мероприятий с участием молодёжи, Виктор отправился на второй этаж, где находились кабинеты всех руководителей. Кабинет парторга был закрыт, и он пошёл в шахтный комитет. У Михно на приёме сидел рабочий, лицо которого показалось знакомым.

– Заходи, Виктор, присядь пока.

Не выражая особого интереса, Виктор стал ждать конца их разговора.

– Вот, Михаил Григорьевич, путёвку мы тебе вырешили на октябрь, в Пятигорск. Конечно, лучше бы летом туда съездить, да больно много желающих. Но ты не волнуйся: там и в октябре двадцать градусов тепла – продлишь лето на целый месяц. А как чувствуешь-то себя после операции?

– Пока одно ясно: слабость большая, потому и на работу не пускают.

– Ничего, отдохай, лечись, набирайся сил, потому как слабым в шахте делать нечего. Ты же электрослесарь на ВШТ?

– Да, там уже и пенсию доработал...

– Так что ж ты мучаешь себя?

– Да надо поработать, Алексей Борисыч, сыну помочь: он у меня учится в институте. Стипендию получает, да что там за деньги – тридцать с небольшим. Да ещё мать на руках.

– А у матери-то пенсия есть?

– Да кто же колхозникам в тридцатые – сороковые годы стаж считал? Был там, в Урском,

колхоз имени 1 Мая, но уже лет двадцать как все разбежались, и документы справить негде.

– М-да, были такие трудные времена в жизни нашей, – задумчиво произнёс председатель шахткома. – Значит, и мать на твоих руках?

– И мать, и сын... – как-то обречённо произнёс мужчина.

А Виктор, услышав название деревни, стал внимательней рассматривать посетителя.

– Простите, а как ваша фамилия?

– Что, родню признал? – пошутил Михно.

– Нет, но... Такое ощущение, что мы раньше встречались.

– Павлов его фамилия, Михаил Григорьевич, ветеран войны, теперь уже и шахтёр-ветеран. Видимо, там и подорвал здоровье, на войне да на шахте. А где ты его мог видеть? – поинтересовался Михно у комсорга.

– Так у меня же вся родня из Урского: отец, тётка, дед, прабабушка...

– Постой-постой! – Мужчина ухватил его за рукав. – А ты кто будешь?

– Я Кузнецов Виктор Егорович. Только я сам-то родился уже здесь, в Белове, а вот отец, дед, прабабушка – в Урском.

– Егорович, говоришь? Значит, Гошка Кузнецов твой отец... был?

73

– Да, был. Он погиб на «Чертинской-2-3».

– Да, я этот случай припоминаю... Я тогда после армии пришёл на шахту, встречались мы с Гошей – и надо же так!

– Так вы вроде как из одного гнезда вышли, из Урского? – Михно уже с любопытством поглядывал на них. – А ведь у нас тут ещё один товарищ из Урского работает – Николай Путро, знаете такого?

– Ну-у! – в один голос протянули Павлов и Кузнецов. – Его так чествовали тут – кто ж его не знает!

– Так-то оно так, но в шахтком он что-то ни разу не заглянул, как Героем Соцтруда стал.

В дверь кто-то легонько стукнул, она отворилась, и на пороге появился... Путро!

– А вот и он, лёгок на помине! Николай Максимович! – воскликнул Михно и с распростёртыми объятиями пошёл ему навстречу.

– А что случилось-то, Алексей Борисыч? Я ведь только на минутку заскочил, чтобы узнать про путёвку... про две путёвки в Ессентуки. Даст мне их шахтком?

– Да куда же мы денемся, Николай, неужто Героя Соцтруда обижать будем?

– Да я не о том... Я просто спросил. – Похоже, знаменитый шахтёр смутится от такой встречи. – Тогда я пойду, пожалуй, чтобы не мешать вам...

– А ты не мешаешь! Я вот тут твоих земляков собрал, из Урского. Признаёшь кого?

Только сейчас бригадир перевёл взгляд на гостей кабинета, заулыбался и приобнял вставшего со стула электрослесаря:

– Мишка, чёрт! Давно тебя не видел! А ты, похоже, на диете сидишь – всё худеешь да худеешь. А меня, наоборот, прёт во все стороны!

– Тебе силы нужны, Коля, ты рекорды бьёшь, а я только ключи таскаю по выработкам вслед за электровозами.

– У него операция была серьёзная: одну почку удалили, – пояснил Михно, – не с чего поправляться-то! Вот даём ему путёвку на воды. А этого молодого человека знаешь?

– Да, видел на шахте не раз. Комсорг, кажется?

– Да, Кузнецов Виктор Егорович, тоже из Урского. То есть не сам, сам-то он беловский, а вот отец его, дед, бабка – урские. Помнишь таких?

– Фамилия-то известная была в селе. Их, кажется, сослали в Нарым в середине тридцатых, но я тогда ещё маленький был, не помню. А в начале войны в Урское приезжала бабка Алёна с двумя пацанами, продукты покупали у нас... Мишка, ты помнишь, они же у вас ночевали?

– Помню, конечно. Васька был, мой брат, ты был тогда, а с Гошкой был ещё какой-то рыжий пацан... Вечер поиграли, по селу побегали, сходили в дом Кузнецовых, а потом он ночью почему-то сгорел. Ты не помнишь, Виктор, никто тебе не рассказывал?

– Говорила бабушка... прабабушка, Алёна Ивановна.

– Потом энкавэдэшники наехали и три дня всех шерстили, а списали всё на однорукого пьяницу. Как же его фамилия, Миш?

– Кажется, Кочергин, Иван Кочергин. Его нашли в ту же ночь утопшим в Уре.

– Ну вот, ребята, сколько вы вспомнили из вашего детства и молодёжь просветили заодно. Никому сегодня в шахту не надо? – вклинился в разговор Михно.

– Да нет. – Все присутствующие переглянулись. – А что?

– А то, товарищи шахтёры, что такой случай надо обязательно отметить рюмочкой коньяка да заодно обмыть твою звезду, Николай, а то

вторую не заработаешь! Проходите пока в эту комнату, а я дверь запру...

– Да мне и одной звезды хватит! – добродушно улыбнулся гигант бригадир.

Он приобнял своего земляка-слесаря, который едва доходил ему до плеча, и оба они отправились в секретную комнату председателя шахткомма, где на маленьком столике стояла початая бутылка коньяка, лежали плитки шоколада и яблоки.

– Ну, товарищи, за вашу встречу! – объявил тост Михно. – Столько лет прошло, почти полвека, но вы встретились, и где? На шахте «Чертинская», на нашей шахте, которая вам сейчас уже стала родной!

Захрустели яблоки на зубах, послышался шелест фольги шоколада, а энергичный хозяин уже вновь наполнил маленькие рюмочки коньяком.

– А теперь выпьем за тех наших братьев-шахтёров, что сложили головы на этой трудной и опасной работе, за твоего отца, Виктор, за Егора... как его по отчеству?

– Никитич он был.

– Помянем ребят и Егора Никитовича. Пьём не чокаясь...

Когда все выпили, Михно продолжил:

– Ведь трудно, опасно, но люди идут в эту бездну, рискуют жизнью, здоровьем, вот как Михаил Григорьевич. А всё потому, что понимают: нельзя русскому человеку без угля в нашей холодной стороне. Родина ценит это – вот с нами Герой Социалистического Труда Николай Максимович Путро. Шутка ли, в прошлом году его бригада на комбайн 1К-52Ш добыла из одной лавы шестьсот семьдесят тысяч тонн угля. Так, нет, Николай?

– Да вроде чуть больше: шестьсот семьдесят семь тысяч и ещё сколько-то тонн – разве ж всё упомнишь?

– История запомнит! И мы запомним, как Афанасий Фёдорович Ештокин, наш первый секретарь обкома, вручал тебе Звезду Героя в клубе «Горняк». А это уже будет третий тост. По русскому обычаю за тебя, Николай, за твою звезду, за твою бригаду, за всех шахтёров! Кажется, у казаков есть такая поговорка: казачьему роду нет переводу. Мы не казаки с вами, мы сибиряки, шахтёры, а значит, у нас поговорка должна быть такая: шахтёрскому роду нет переводу! За это и будет третий тост!

– За всех чертинцев! – подхватил Путро и первым опрокинул стаканчик.

Уже провожая гостей, Михно поинтересовался:

– Ну как, мужики, понравилась вам эта встреча-летучка?

– Да, конечно, – дружно отозвались Павлов и Кузнецов, а Путро подвёл итог всего разговора:

– Умеешь ты, Алексей Борисыч, с людьми поговорить, без громких слов, как-то тепло, по-домашнему. После этого и в шахту идёшь с другим настроением. Так, нет, Миша?

– Так, Коля, что есть, то есть! Спасибо тебе, Алексей Борисыч. Ну а ты, Виктор Кузнецов, помни, где твои земляки работают. Была бы возможность – съездили бы мы все вместе в Урское. Всё-таки это родные для нас места...

ГЛАВА 6

Очередная, XXII беловская городская комсомольская конференция прошла во второй половине января 1972 года. Как и предрекал Просин, в этот раз Виктору Кузнецову действительно дали возможность выступить перед делегатами. Выбор не был случайным: шахта «Чертинская» шла в авангарде социалистического соревнования на руднике – почти полтора миллиона тонн угля отправили её шахтеры на-гора в минувшем году, а имена бригадиров Путро, Субботина, Ращука, Орловского, Шмелькова не сходили со страниц местной и областных газет. Комитет комсомола шахты не раз выступал инициатором соревнования среди комсомольско-молодёжных бригад рудника, активизировал работу комсомольцев в подшефных школах и пионерских лагерях.

Тем для выступления накопилось много, но регламентом было отведено всего пять минут, и Виктор сумел выступить кратко, ярко; при этом краем глаза он видел, как сидевшие в президиуме представитель горкома партии и кандидат на должность первого секретаря горкома комсомола Виктор Быков всё время перешёптывались. Кузнецов не мог знать о содержании разговора, но, судя по их изучающим взглядам, речь шла именно о нём.

– Обрати, Виктор Николаевич, внимание на этого парня. Чем не готовый кадр для тебя? – шептал работник горкома партии. – Горный инженер, энергичный, политически подкованный. Маркин говорит, что в этом году они его кандидатом в партию примут. Кстати, опасного преступника поймал, убийцу, за что медаль получил. Присмотрись к нему с годик да забирай! А когда он у тебя подрастёт да окрепнет – мы возьмём в свой аппарат.

Но Виктору так и остался неведом этот секретный разговор двух партийных начальников, он был полностью поглощён своим сообщением, которое и закончил под дружные аплодисменты.

В перерыве к нему подходили знакомые и незнакомые делегаты, поздравляли с хорошим выступлением. А когда он уже собрался вернуться в зал на место, кто-то прикоснулся к его руке. Это была Наталья Сергеевна.

Виктор не ожидал встречи с тёткой-журналисткой, и та поспешила пояснить своё появление на конференции:

– Задание редакции! У вас меняется руководство горкома комсомола, вот мне и предстоит об этом написать да ещё взять интервью у нового секретаря. А выступил ты, Виктор, кратко, чётко, по делу – молодец!

– Спасибо, тётушка! А ты надолго к нам? В гости заедешь в мой холостяцкий угол?

– Нет, племяшик, недосуг. Сегодня же на машине возвращаемся в Кемерово. Со мной ещё наш фотограф, так что извини! Вот когда женишься, квартирой обзаведёшься, тогда и приеду, может быть даже с дочкой и мужем.

– Как они?

– Растут!

– Дочке-то, понятно, надо расти, а мужу-то куда ещё?

– Как куда? Карьеру делает, теперь он уже главный технолог. В общем, у нас всё в порядке. Возьми вот мою визитку; когда будешь в Кемерово не проездом, а с ночёвкой, то милости прошу. Никаких гостиниц! На могилках-то давно был? Вот бы заехать туда...

– Зимой там не проедешь: всё в снегу, да и темнеет уже. А на могилках я поставил памятники со звёздами, а бабушке – крест кованный...

– Молодец, Витя! Летом надо обязательно навестить их, а сейчас, извини, побегу: работы по горло!

И как эхо той конференции в городской газете вскоре появился большой материал о комсомольцах шахты «Чертинская», её секретаре, с фотографией. После всех документальных выкладок о работе шахты и комитета комсомола молодая корреспондентка задала Виктору несколько вопросов.

– Вы по профессии горняк?

– Да, я окончил горно-электромеханический факультет Кузбасского политехнического института.

– В роду были у вас шахтёры?

– Дед и прабабушка работали до войны на шахте «Пионерка», отец уже после войны трудился на «Чертинской-2-3», где и погиб в пятьдесят третьем году. Ну а если заглянуть в начало века, даже в прошлый век, то все мои предки мыли золото в Гурьевском районе, тоже в шахту спускались...

– Удачно? Удалось им разбогатеть?

Виктор не удержался от смеха:

– Только-только и хватало намытого золотишка, чтобы не умереть с голоду. Кузнечили в селе, работали в поле, как все селяне. А в общем-то оставались они крестьянами до конца дней своих.

– Считаете, что нашли своё место в жизни?

– Порой кажется, что нашёл. Мне нравится то, чем я занимаюсь.

– И, наверное, последний вопрос. Что бы вы пожелали сами себе?

– Себе? – Виктор на секунду задумался, а потом ответил с улыбкой: – Мне друзья то и дело советуют жениться...

– А вы против?

– Нет, я совсем не против, знаю, что у нас семья – основная ячейка общества... Пожалуй, и я скоро решу этот вопрос.

– Это то, что касается лично вас, а если вопрос поставить шире, масштабнее, что ли... Что бы вы пожелали своим товарищам, шахте?

– Знаете, хочу, чтобы над нашей шахтой всегда горела звезда!

– Звезда? Это что, как иллюминация в праздники? – Корреспондентка была явно озадачена таким ответом.

– Горняки знают: если горит звезда, значит, на шахте дела идут нормально. Даётся план по углю, выполняются соцобязательства, ставятся рекорды, зарплата хорошая, а значит, и настроение у людей бодрое, работается веселее, с желанием...

– Вот, пожалуй, вы и подсказали заголовок для моей статьи – «Чтобы горела звезда». Вы не против?

– Нет, я только за...

Парторг Маркин давно завёл для себя такой порядок: сразу после утренней планёрки принимался просматривать свежие газеты, которые ему приносили даже раньше, чем директору. Едва пробежав глазами «Кузбасс», он отложил его в сторону. Внимательно, не торопясь, прочитал

шахтовую многотиражку «Голос шахтёра», что-то пометив в ней красным карандашом, и только потом взялся за городскую газету. Первая полоса встречала читателя очень крупно напечатанным лозунгом: «55-й годовщине Великого Октября – достойную встречу!» Здесь же нашли себе место краткие информации об ударном труде горняков, строителей и металлургов цинкового завода.

«Это всё понятно, – недовольно буркнул себе под нос Маркин, – всё одно и то же».

На развороте была помещена подборка под рубрикой «Субботние беседы», которую уже не сколько лет вёл известный в городе журналист.

«Ну, опять ты, Виктор Сергеевич, за своё? – проговорил парторг. – Ты, наверное, один всю газету можешь заполнить своими сочинениями. Да, всё же ручкой писать – не лопатой в шахте махать!»

Он закрыл газету, собираясь отложить её, но на четвёртой полосе вдруг обнаружил большой материал под заголовком «...Чтобы горела звезда» и крупное фото Виктора Кузнецова.

«Вот так сюрприз... Но сюрприз приятный!» Он потянулся к телефону:

– Алексей Борисович, почту сегодня просматривал? Нет ещё? Если не сильно занят, зайти ко мне.

– Что-то случилось, Александр Григорьевич? – с порога спросил Михно, в голосе его была тревога.

– Да нет, ничего страшного, присядь. – И парторг положил перед председателем шахткома газету.

– Ба, да это ж наш комсорг! – воскликнул председатель шахткома. – Но здесь не только о нём, но и о нашей шахте добрые слова! Прекрасно! А что ты так насторожился-то?

– Помнишь, в начале года у нас разговор был о том, чтобы принять его кандидатом в члены КПСС? По-моему, самое время!

– Ну-у, в общем-то да. А это нам с тобой как напоминание, да и из горкома комсомола уже был звонок по этому поводу. Вот только почему они, черти, по таким вопросам звонят в шахтком, а не в партком, Александр Григорьевич? Это же твой кадр, партийный! Или они тебя так боятся? – Михно коротко хохотнул в кулак. Но потом уже серьёзно добавил: – Похоже, они там решительно настроились забрать его у нас. Ну а туда лучше идти с партийным билетом в кармане. Что ни говори, а это уже своего рода знак качества

работника. Когда думаешь ставить этот вопрос на парткоме?

— Лето на носу, все по отпускам разъедутся, да и ему надо документы подготовить, заявление написать, рекомендации получить... Как думаешь, Алексей, кто ему может дать рекомендацию?

— Да в чём вопрос? Я могу дать! За четыре года он себя хорошо показал... Бригадир комсомольско-молодёжной бригады проходчиков Сашка Бобров, я думаю, скажет за него. Тебе-то не совсем удобно давать рекомендацию, ты же и будешь решать его вопрос... Вот ещё Пашка Лисьев! Он года три-четыре уже в партии, его правая рука в комсомоле. Если вдруг заберут Виктора у нас, то, думаю, можно Павла поставить секретарём, а с горкомом уже ты сам договаривайся. Нет институтского диплома, но есть диплом техникума.

— Ну ясно, так и решим! Надо где-нибудь в сентябре-октябре этот вопрос рассмотреть, чтобы можно было доложить к юбилею Октября о росте рядов коммунистов на шахте «Чертинская». Кузнецов у нас пока в кандидатах походит до осени следующего года, а уж там и проводим его с честью в горком!

— Ну, Саша, тебе виднее, потому как рост рядов партии — твоя проблема.

— Ладно, я скажу о нашем предложении директору и предупрежу Виктора. Пусть морально готовится к ответственному шагу.

* * *

Закончилось лето, за ним подтянулось и бабье лето; отпускники дружно слетались с курортов и санаториев отдохнувшие, загорелые, готовые с новой силой давать сверхплановый уголь и обновлять свои же рекорды.

Дату заседания парткома Маркин назначил на середину октября, включив в него всего два вопроса. Первым был отчёт о работе шахты в летний период и достойном завершении юбилейного года. Вторым вопросом значился приём кандидатами в члены КПСС комсорга Виктора Кузнецова и семидесятилетнего шахтёра-ветерана. Он уже давно находился на пенсии, на шахте появлялся редко, но вдруг активно изъявил желание стать коммунистом, чтобы, как он шутил направо и налево, «предстать перед Богом с партийным билетом». Выслушав ветерана, парторг в другое время, наверное, покрутил бы пальцем у виска, но здесь не стал обижать

старика и помог написать заявление, подсказать, как найти тех, кто мог бы его рекомендовать к приёму в партию, а для себя решил, что и такой момент можно обернуть на пользу своей работы: «Тянутся люди к партии! Не зарастёт в неё народная тропа!» А членов парткома он твёрдо заверил, что всё заседание займёт не более часа. Но одно событие разрушило все его планы...

В пятницу в третью смену на шахте случилось чрезвычайное происшествие. Нет, не авария, не горный удар породили его, но эффект был, пожалуй, не меньшим: звено бригады Героя Социалистического Труда Николая Путро оказалось спускаться в шахту!

Десять горняков пришли на смену, получили наряд, отправились в столовую за тормозками, но их там не оказалось: кто раньше поспел, тот и съел, а путровцам ничего не досталось. Немного пошумели, и две дежурные поварихи невесть откуда принесли на разносе десятка два бутербродов с колбасой, которая на поверку оказалась покрытой плесенью, а хлеб по своей свежести напоминал камни, что окружали горняков в их забое. Заговорили поостроже, потребовали свежих бутербродов, но пожилые женщины в ответ только расплакались и пояснили, что у них из начальства никого нет на работе, продукты на складе, а ключ от него у завпроизводством...

Переглянулись мужики и молча вернулись на участок, где огорошили горного мастера решением: в шахту не спускаемся! Мы не рабы, рабы не мы! Напрасно лучший горный мастер рудника Ильясов пытался отговорить своих работяг, не приняли они его доводов, упёрлись, что называется, рогом! В итоге он с ними согласился: «Может быть, вы и правы, мужики! Сколько раз приходилось находить среди тормозков несвежие продукты, ну а тут уж совсем ерунда получается!» Кто-то предложил позвонить начальнику участка или директору, но остальные горняки дружно возразили: что, начальник на всю нашу ораву бутербродов привезёт, что ли? Да и время уже ночное! Опять же, пока то да сё, времени-то сколько пройдёт? Тогда и вовсе спускаться незачем, разве что прогуляться по шахте. Так за многие годы работы большинству бригадников такие экскурсии уже неинтересны...

— Что творится, чёрт возьми! Там, в забое, крысы норуют твой тормозок сожрать — только отвернись! Так и здесь его у нас отбирают!

На том и остановились: звонить никому не надо, уведомить только дежурного по шахте, а уж он сам примет какое нужно решение. После этого стали сдвигать диваны, чтобы можно было отдохнуть на них до утра.

Виктор в преддверии заседания парткома утром в субботу приехал на шахту, чтобы ещё раз проверить, в порядке ли документы, и обнаружил на площади перед зданием АБК несколько автомашин «Волга» с номерами горкома партии и милиции. Всё руководство шахты также было на рабочем месте: полным ходом шёл разбор случившегося инцидента. Поднявшись на второй этаж, Виктор встретил Михно и главного инженера, которые стремительно шли к директору.

– Алексей Борисович... – начал он, но председатель шахткома только рукой махнул:

– Не время, Виктор! Ступай домой, тебя это не касается...

Узнав о причинах суматохи у горняков, стоявших у кабинета четвёртого участка, он решил последовать совету Михно и первым рейсовым автобусом уехал домой.

Как потом выяснилось, ненужный резонанс удалось погасить в самом зародыше: ни в одной газете, ни по радио, ни по телевидению об этом демарше путровцев сказано не было. Сотрудники КГБ, не поленившиеся в субботу приехать на «Чертинскую» (как и работники горкома партии), сделали серьёзное внушение всему руководству шахты и, пригрозив, что при повторении подобного эксцесса им придётся отвечать своими партбилетами, с тем и уехали. Кроме того, на «Чертинской» обязаны были в недельный срок тщательно проанализировать обстоятельства, приведшие горняков к вынужденной забастовке, и составить подробные отчёты.

Заседание парткома сделали расширенным, приглашены были все начальники участков и руководители партийных ячеек. В самом углу сидела зарёванная заведующая столовой – красивая женщина лет тридцати, но сегодня на неё было жалко смотреть. За столом места всем не хватило, поэтому принесли стулья из соседних кабинетов. Первым вопросом решили рассмотреть приём кандидатов в партию, на что ушло не более пяти минут, а уж потом перешли к главному вопросу.

Один за другим брали слово парторг, председатель шахткома, начальник участка, горный мастер, в чью смену и случилось это ЧП, выступили несколько горняков из того мятежного ночного звена, после чего дали слово заведующей столовой. Говорила она долго, путано, обильно сопровождая свой рассказ слезами: «Перебои с продуктами... Ассортимент товаров сократили... В тресте запретили доступ к продуктам для рядовых работников...»

Как ни велико было прегрешение этой женщины перед горняками, а и у них дрогнули сердца, и слово в защиту взял сам бригадир:

– Вы помните, товарищи, летом у нас на шахте первый секретарь горкома проводил выездной пленум горкома партии, где, так сказать, шла речь об организации снабжения населения товарами первой необходимости. Вы помните, когда на трибуну вылез этот толстяк, что отвечает за всю торговлю в городе, забыл я его фамилию... Кто-то из ребят спросил его: «Почему в магазинах уменьшился ассортимент колбас, совсем перестало появляться мясо, масло? Что, снабжать нас перестали, что ли?» И что он ответил, помните? «Нет, – говорит, – снабжают так же, есть масло и колбаса, но мало, нам самим не хватает!» И как первый тогда кулаком стукнул по столу и прогнал его с трибуны! Им, видите ли, самим не хватает, а тут ещё и мы! Конечно, надо наказывать за такое разгильдяйство, но и смотреть надо, откуда это всё приходит к нам. А мои ребята правильно сделали, потому как, не поставь вопрос ребром, оно и дальше так будет продолжаться! Я всё сказал!

Похоже, выступление Путро стало пиком этого горячего по своему накалу заседания парткома, и все последующие ораторы говорили мягче, короче, заметно поубавилось гневных ноток в их речах.

– Ну что, парторг, огласи предложение парткома, проголосуем, да пора и закрывать заседание.

Это подал голос директор шахты. Всё это время он внимательно слушал, но сам не выступал в прения, давая людям выговориться. Знал, что его выступление может резко повлиять на весь ход заседания, а ему хотелось услышать голоса шахтёров, именно их мнение, а не мнение тех, кто недавно приезжал сюда на роскошных автомобилях.

– Партком предлагает заведующую столовой Галину Васильевну Трубникову и заведующую производством столовой Анну Семёновну Меш-

кову уволить, а Трубниковой, как члену КПСС, объявить строгий выговор с занесением в личную карточку. Начальнику четвёртого участка и горному мастеру, в чью смену состоялся срыв работы, объявить выговор без занесения в личное дело. Бригадир товарищу Путро – поставить на вид.

– Бригадир был в отпуске, впрочем, он и сейчас ещё должен отдыхать, а он здесь сидит, потому что переживает за своих ребят, за свой участок!

– Реплика товарища Михно правильная по существу, и потому ничего ставить на вид бригадире мы не будем. Сейчас все приглашённые могут быть свободны, члены парткома проголосуют, составим протокол, подпишем, а потом на участках это решение должно быть доведено до всего коллектива. Начальники лично отвечают за исполнение. И вот ещё что, товарищи. Это такой факт в жизни нашего коллектива, которым мы не можем гордиться, а потому постарайтесь, чтобы лишняя информация никуда не уходила!

Когда приглашённые начали покидать кабинет, пошла к выходу и Трубникова, но её окликнул Михно:

– Галина Васильевна, задержитесь в коридоре на несколько минут, возможно, ещё понадобится...

Поднялся с места и Виктор, но Маркин жестом остановил его и тут же обратился к ветерану, которого приняли кандидатом в партию:

– Иван Иванов, а ты можешь тоже быть свободен, мы тут свои дела будем обсуждать.

– Я тут-ка посидел да послушал вас, товарищи коммунисты, и решил, однако: чешете вы своих членов партии в хвост и гриву! И подумалось: «А мне это надо? Ежели я чего набедокурю по нечаянности, то вы и мне куда-нибудь и чего-нибудь вставите – в карточку или в дело какое...» Однако, раздумал я вступать в вашу компанию, возвратите моё заявление. Лучше я на завалинке буду сидеть у своего домика, чем ходить на такие вот весёлые собрания... Уважьте мою просьбу!

Обескураженно парторг оглядел членов парткома, на лицах которых блуждали улыбки, но потом сам улыбнулся и вернул заявление шахтёру-ветерану:

– Мы тебя понимаем, Иван Иванов. Конечно, тебе сейчас покой нужен, нервы побережь, но уж и ты не обессудь: сам принял такое решение, что мы и отметим в протоколе. Всего доброго тебе!

Когда старик неверной походкой вышел из кабинета, директор Брагин встал и заговорил:

– Ну что, товарищи, вот и в наш дом тихо заглянуло лихо! Сколько раз наблюдаем по жизни: там недоделали, там недодали, там отложили и забыли, а вот оно и пришло к нам. Я ведь специально молчал всё заседание, хотел услышать голос трудового человека, голос шахтёра. У нас и многотиражная газета так называется. И если это наш «Голос шахтёра», то надо больше давать там места рабочим – пусть звучит этот голос, пусть критикуют, чтобы бардака было меньше в нашей жизни. А уж если этот голос шахтёра наполнится гневом и превратится в рёв – вот тогда будет страшно не только нам на шахте, не только в Кузбассе, тут весь Союз содрогнётся. Не дай бог такому случиться! Вот для того мы здесь с вами и собираемся на разные совещания, работаем, чтобы вот так, как сегодня, никто не мог обидеть и унижить рабочего человека! Надеюсь, это послужит всем нам хорошим уроком. У меня всё, товарищи!

Директор шахты направился к двери, но голос Михно остановил его:

– Виктор Евгеньевич, я по поводу Трубниковой... Молодая женщина, работает у нас чуть больше года, а если мы её по статье уволим, то у неё вся жизнь пойдёт кувырком! Может быть, дадим ей уйти по собственному желанию?

Директор долгим взглядом обвёл всех членов парткома:

– А ваше мнение?

– Виктор Евгеньевич! – горячо заговорил Путро. – Тот хомяк из управления торговли такие вещи говорил – и ничего, работает до сих пор, а этой бабёнке мы сейчас всю жизнь ломаем? Правильно ли будет? А завпроизводством, которая и должна была резать эту колбасу, уже через день уволилась по собственному желанию. С неё и взятки гладки!

– Что ж, я согласен, но выговор в деле всё же оставьте. Вы тут, Александр Григорьевич, помирайте с протоколом, а потом мне покажешь: всё-таки горько ждёт нашего решения и КГБ, а это, товарищи, не шутка!

Уже в коридоре Михно подозвал расстроенную заведующую столовой и шепнул ей на ухо: «Уволишься по собственному желанию!» Благодарно улыбнувшись, женщина поспешила уйти, а председатель шахткома придержал Виктора и спросил:

– Ты понял, почему тебя парторг задержал? Ситуация, прямо скажем, неординарная, и ты должен будешь уметь реагировать на неё – мало ли что в жизни будет! А от себя добавлю: ты с комсомольцами этот партком не обсуждай, не ваша тема, тем более у вас там такие чудачки есть, как Ковтун. Этот наговорит, что было и чего не было...

– Понял! Алексей Борисович, я давно хотел один вопрос поднять, но решил сначала с вами посоветоваться.

– Что ж, уже неплохо. Говори, давай только отойдём в сторонку, а то людям мешаем.

– Как бы нашему комитету чуть-чуть побольше прав дать: например, хотя бы одну квартиру мы давали для своих комсомольцев, путёвки распределяли бы, ну, машины можно... С другими секретарями встречаюсь – они говорят, что тоже добиваются этого, к ним прислушиваются. Авторитет комсомола растёт...

– Авторитет должен прирастать не путёвками, а добрыми делами, запомни! Под квартиры и путёвки подводится материальная база, счета, бухгалтерия считает всё. Тебе же тоже нужен будет бухгалтер. Вы решайте у себя на комитете, только не зарывайтесь со своим авторитетом! Приходи заранее, обговорим, посоветуемся. Предложишь как своё, а тут вам и квартиру дадим, если достойный работник, и на курорт отправим! Твоя главная задача – идеологическая работа с молодёжью, а все хозяйственные вопросы – у нас да у заместителя директора по быту. Ты заметил, что даже парторг, главный инженер или заместитель по производству не поднимают таких вопросов? Это я не к тому, чтобы тебя обидеть, а чтобы ты знал нашу внутреннюю структуру взаимодействия. А что там говорят комсомольцы на стороне, ты слушай, да делай правильные выводы! Ты, наверное, ещё хотел эти вопросы сегодня на парткоме поднять?

– Сначала хотел, а тут итальянская забастовка – не стал!

– И правильно, что одумался вовремя, а такая могла быть реакция! Все на нервах – и тебе попало бы, да ещё не проголосовали бы за тебя... Сепаратизм, однако, батенька, в ваших словах проглядывает! – заключил Михно и засмеялся.

ГЛАВА 7

Заканчивалось лето семьдесят третьего года. Виктор, у которого очередной отпуск выпал

на сентябрь, уже предвкушал поездку в Аджарию по путёвке, которую ему пообещал Михно. По возвращении нужно было провести отчётно-выборное собрание, как он надеялся, последнее в своей шахтовой комсомольской жизни, поскольку разговоры о переводе его в горком комсомола велись уже давно.

Неторопливо и дотошно он готовился к задаче дел за весь свой срок секретарства, а это, что ни говори, целых четыре года. Помнил Виктор, как сам он мучился с грудой бумаг, доставшихся ему в полном беспорядке, и потому решил не повторять чужих ошибок, оставить сменщику документацию в надлежащем виде. Устав от бумажной работы, он положил документы в сейф и отправился в шахтком: надо было уточнить сроки путёвки, а по возможности и выкупить её, узнать, как добираться до той далёкой Аджарии, точнее до Батуми. В его жизни этот курорт был первым, и потому следовало тщательно продумать все нюансы поездки за тридевять земель. Где-то в глубине души у Виктора сидела смутная тревога. Но уже в первые минуты разговора Михно убедил его ничего не бояться и ехать смело.

– На поезде доберёшься из Кемерово через Новосибирск до Батуми, а там выйдешь на берег, глянешь в сторону Турции и наверняка увидишь янычаров с кривыми саблями. Но ты их не бойся: они до тебя не доберутся, потому что будут за морем! – И председатель шахткома весело расхохотался. – А чтобы ты не сомневался, ехать или нет, знай: мы даём тебе льготную путёвку, за полцены. Ну где у тебя будет ещё такая возможность? Посмотришь, как грузины там живут, да нам потом расскажешь.

Когда этот вопрос был решён, Михно заговорил серьёзным тоном:

– На тебя положили глаз в горкоме комсомола, но прежде чем ты уйдёшь туда, мы тебя примем в партию. Это, скорее всего, будет в конце октября – как раз закончится твой кандидатский стаж. Александр Григорьевич обещал подготовить к этому парткому все документы на тебя. Так что не волнуйся там, отдыхай! А в ноябре или в начале декабря мы должны провести отчётно-выборное собрание: тебя поблагодарим, а кого надо – изберём. Вот после отпуска ты этим и займёшься...

– Всё ясно, Алексей Борисыч. Я пошёл?

– Да нет, дружок. Есть ещё один вопрос, горячий!

– Это где у нас горит? – удивился Виктор. – Вроде шахта работает стабильно, звезда на комбинате сияет день и ночь...

– С шахтой всё в порядке, а вот в пионерском лагере завтра закрытие летнего сезона. Надо привезти подарки детям, вручить их, провести торжественное закрытие с выносом красного знамени. А потом, если душа пожелает, можешь остаться на прощальный бал. Как смотришь на такое мероприятие?

– Это лагерь «Рассвет»?

– Да. Ты там, кажется, бывал со своими оперативниками.

– В прошлом году были там в июле, но закрывали сезон без меня.

– Тогда и я ездил на закрытие, но в этот раз не могу: дела профсоюзные не позволяют. А ты готов?

– Да я-то готов, а вот...

– Подарки уже подготовили: книжки, игрушки, тортики закупили. Завтра часов в десять машина пойдёт в лагерь и ты с ней. Всё сдашь директору под подпись. Да ты же её знаешь, наверное, Валентину Дмитриевну Калинину?

– Как же, как же. Это которая дома директор, а муж её только механик?

– Чертяка, запомнил! – Михно, смеясь, хлопнул Виктора по плечу. – Теперь посмотришь, какой она директор в пионерском лагере. Я не знаю, будет ли оттуда транспорт вечером, но на следующее утро машина пойдёт. Повезёт кое-какое оборудование из столовой, пионерскую атрибутику, баяны, горны и тому подобное. Вот ты с ней и вернёшься.

Подарки, а вместе с ними и Виктора работники лагеря встретили радушно. После этого директор и старшая пионервожатая объяснили ему план работы на последний день сезона:

– В шестнадцать часов, сразу после полдника, торжественная линейка, вручение подарков детям, спуск флага, который вам, Виктор, вместе с лучшими пионерами и комсомольцами надо будет торжественно вынести с линейки под барабанный бой.

Слова директора звучали кратко, чётко, именно так отдавал команды студентам политеха заведующий кафедрой военной подготовки майор Шевцов. «Пожалуй, эта женщина могла бы командовать взводом», – едва сдерживая улыбку, подумал Виктор.

– Вечером у старшеотрядников прощальный бал, а малышей мы уложим спать, – продолжал

директор. – Приглашаем вас на бал, тем более у нас кавалеры наперечёт: сторож, которому уже за шестьдесят, физрук, да и тот отпросился на день раньше по семейным делам. Так что надемся только на вас, Виктор.

– А я вроде видел Виктора Александровича и ещё какого-то мужчину. Чем не кавалеры?

– Да это наши со старшей пионервожатой Галиной Николаевной мужа. Ну какие они кавалеры?! Они будут при нас. Оставайтесь, Виктор, а завтра до обеда вы уедете с первой машиной...

В просторной, с окнами в половину стены столовой все столы после праздничного ужина были отставлены в сторону, а на освободившейся площади танцевали неожиданно повзрослевшие за сезон ребята и девчата. Десять – пятнадцать худошавых высоких пареньков приглашали девочек на танго, но едва начинал звучать вальс, как они спешно бросали своих дам и искали спасения у стен (вопреки популярной в то время песне: «Стоят девчонки, стоят в сторонке...»).

– Да, эта наша беда, – грустно признала старшая пионервожатая. – Учили ребят играть в футбол, волейбол, а вот не догадались научить танцевать вальс. Так и останутся неучами...

– Захотят – сами научатся, – отчеканил директор лагеря. – А вы что не танцуете, Виктор?

– Да как-то неудобно. Всё же дети... – смутился он.

– Не скажите! Тут такие невесты есть! – игриво заметила вожатая. – А не танцует он, Валентина Дмитриевна, наверное, потому, что не был в компании наших мужчин. Может быть, я его провожу туда?

Молча пожав плечами, Калинина пошла вглубь кухни, к поварам.

– Вот, товарищи, вам пополнение.

Вожатая буквально подтолкнула Виктора в комнату, где за столом сидели ранее замеченные им мужчины. На столе стояла початая бутылка коньяка, на блюде лежал виноград, яблоки и несколько плиток шоколада (точно такой Виктор вёз в лагерь с шахты).

– Третьим будешь? – Незнакомый мужчина встал из-за стола и протянул руку: – Геннадий Иванович.

– А меня зовут Виктор.

– Ну садись, Виктор, вот сюда, тут и стопочка тебя уже дожидается.

Выпили. Калинин всё это время сидел молча, поглядывая на прибывшего. Наконец заговорил:

— Я знаю, что ты комсоргом у нас на шахте. А это не ты меня провозжал домой, когда мы лаву обмывали на третьем участке? Давно хотел спросить, да всё повода не было.

— Когда это было, Виктор Александрович! Человек человеку — друг, товарищ и...

— ...волк! — спешно вставил Геннадий и пьяно расхохотался.

Когда содержимое бутылки закончилось и речь зашла о второй, Виктор поднялся:

— Спасибо, товарищи, но я больше не могу с вами оставаться, мне нужно там быть! — И он, чуть поклонившись, вышел.

От директорского домика, где они выпивали, до столовой было не более пятидесяти метров. С одной стороны деревянного тротуара были заросли кустарника, а с другой открывалось широкое пространство, где располагалась волейбольная площадка, турники, качели, футбольное поле.

— Ну вот теперь вы должны себя показать во всей красе, а то эти мальчишки только толкнутся на месте! — Голос старшей вожатой звучал так легко и весело, что у Виктора невольно возникла догадка, что и она побывала в гостях у мужчин в директорском домике. — Приглашайте на вальс наших красавиц, вон они в сторонке стоят, первоотрядницы. Вальс танцуете?

— Немного умею, — скромно отозвался Виктор, и на память ему пришла та новогодняя ночь, когда супруги Дацук учили его танцевать.

Сейчас у него уже не было стеснения, даже появилось желание испытать себя в танце. Приглядевшись, он выбрал стоявшую с края девушку с русыми волосами, красиво собранными на затылке. Она неохотно принимала участие в беседе подруг, а миловидное лицо порой озаряла какая-то загадочная улыбка.

Пожалуй, эта улыбка и предопределила его выбор. Поправив ремень, он подошёл к девушке и пригласил на танец. Ободзинский заливался соловьём, нахваливая «эти глаза напротив», а они всё танцевали. В паузы, когда переставляли пластинку, Виктор уже не отпускал свою партнёршу, хотя краем глаза замечал, с какой завистью смотрели на них её подружки.

Наконец кто-то громко возмутился засильем вальса, скрипнула иголка по пластинке, и наступила тишина. Пока распорядители выбирали подходящую мелодию, Виктор оставил девушку и подошёл к своей прежней женской компании. Та так же стояла чуть в глубине кухни, наблюдая за происходящим.

— А у вас отменный вкус и прекрасное чутьё, молодой человек. — Голос директора звучал с плохой скрытой иронией.

— Ну почему же, Валентина Дмитриевна, это я по наитию, без всякого расчёта, — попытался отшутиться Виктор.

— Почему? Ну, во-первых, вы выбрали самую красивую девушку. А главное, она дочка нашего директора. Да-да, Леночка Брагина! Вам не страшно?

Виктор густо покраснел, а женщины громко рассмеялись.

Щелчок в динамике — и в зале зазвучала про-никновенная мелодия «Одинокий пастух» в исполнении оркестра Джеймса Ласта. Виктор ещё не избавился от смущения, а к нему уже смело подошла его партнёрша. И, чуть присев, пригласила на танец.

— Леночка, это же неудобно, это же не белый танец, — попыталась образумить девушку вожатая, но та только усмехнулась в ответ:

— Галина Николаевна, завтра мы все разъедемся и больше никогда не увидимся. Так зачем портить предрассудками приятные минуты?

Когда она с кавалером пошла на круг, Калинина с ехидной улыбочкой поддела подругу:

— Ну что, Галя, скушала? Девочка-то с характером растёт!

— Вы о ком это?

К женщинам подошли их мужья. Видимо, расправившись со всеми своими запасами, теперь и они решили повеселиться.

— Да ни о ком, это у нас своё, — ушла от ответа Калинина.

Время перевалило за полночь, но прощальный вечер продолжался, и чаще всего приглашал танцевать всех желающих «Одинокий пастух». Виктор, которому эта девушка сразу понравилась, был готов всерьёз ухаживать за ней и прямо сейчас, и потом, когда найдёт её в городе. Но жёсткая реплика директора лагеря как-то остудила его пыл. Теперь он танцевал молча, а Лена с недоумением смотрела на кавалера, который ещё полчаса назад был таким весёлым, галантным и остроумным.

И вдруг совсем рядом, под окнами столовой, раздались ружейные выстрелы. Один, другой, третий. Визгнув, замолчала музыка, внутрь помещения полетели разбитые стекла. Большой зал, ещё недавно полный мелодичных звуков, разговоров и смеха, теперь сотрясал рёв испуганных детей.

52

– Лечь! Всем лечь на пол! На улицу не выходить!

Оставив партнёршу, Виктор бросился к двери и запер её на засов. Вожатые и воспитатели, бывшие в зале, тоже принялись укладывать детей на пол. Когда стрельба прекратилась, на улице слышался громкий пьяный хохот. А потом снова зазвучали выстрелы, но теперь, похоже, стреляли в воздух. Виктор побежал к тому месту, где стояли руководители лагеря, но никого не нашёл. Он рванул на себя рубильник, и в зале погас свет. Ещё громче закричали перепуганные дети.

Около получаса продолжалось это безумие, после чего мужские голоса стали удаляться в угол лагеря, где стояли две палатки работников столовой. Изредка и оттуда ещё доносились выстрелы. Вожатые и воспитатели в зале начали проверять состояние ребяташек. К счастью, никто не пострадал. Виктор оглядывался по сторонам, пытаясь в полутьме найти Лену, но в это время его самого нашла Калинина.

– Виктор, вот ключ от моего домика. Там есть телефон. Вы должны немедленно пройти туда, пока эти бандиты успокоились, и позвонить в милицию!

Голос директора отдавал металлом, да Виктор и сам понимал, что нельзя терять драгоценных минут затишья. Взяв ключ, он обернулся на стоящих рядом мужчин:

– А у вас не появилось желания сходить туда?

– Нет, мы тут будем. – Заметно протрезвевший Геннадий растерянно смотрел то на комсорга, то на женщин. – Видишь, сколько детей? Их же охранять надо...

– Подвиги совершать надо в одиночку, Виктор, – выдал фразу Калинин. – А когда героев много – это уже колхоз!

– Ладно, я пошёл... Какой выход на город? – Виктору было не столько страшно, сколько стыдно за этих взрослых людей, в трудную минуту не сумевших преодолеть свою трусость.

Он уже подходил к двери, как его догнала Лена. Схватив Виктора за руку и дрожа всем телом, она последовала за ним.

– Лена! Вернись! Куда ты? Вернись!

Но эти истошные крики сзади уже не могли её остановить. На пороге Виктор попытался отстранить её от себя:

– Тебе нельзя туда, там опасно! Там стреляют!

– А тебе можно?

– Мне можно и нужно: я большой... в смысле, взрослый, а ты ещё ребёнок!

– Я не ребёнок... Я пойду с той стороны, где не опасно...

– Да там везде опасно, Лена!

– А если ты не дозвонишься до милиции, то что? А я обязательно дозвонюсь до папы, и уж он-то всю милицию сюда отправит, ещё и сам приедет!

– Ладно, пойдём, но сначала я всё проверю. Они, похоже, ушли к поварам, в кустах никого нет. Поэтому ты пойдёшь от меня справа, двигайся со мной нога в ногу...

Они добрались до домика, вошли, и Виктор принялся накручивать телефон. Дежурный батчатской милиции выслушал его рассказ спокойно, как будто такие происшествия случаются у них каждый день. А потом заявил, что сейчас машина на выезде, но часа через два-три они подъедут, и посоветовал «не высовываться».

– Ну спасибо, научил! – съязвил Виктор.

Следующий его звонок был по 02. Дежурный был серьёзен и заверил, что немедленно направит в лагерь оперативную группу, но из центра Белова они будут добираться около двух часов...

– А теперь я позвоню! – сказала Лена и решительно взяла трубку. – Папа, папочка! – заговорила она почти сразу. – У нас тут стреляют, мне страшно, папа!

Виктор не слышал слов директора, но по лицу девушки понял, что отец её успокаивает.

– Витя, теперь папа хочет с вами говорить, – передала ему трубку Лена.

– Да, Виктор Евгеньевич, это я.

Он вкратце изложил ситуацию, что сложилась в лагере, сообщил о разговоре с милиционерами.

– Я всё понял. Витя, я надеюсь на тебя! Лену не отпускай от себя! Я бы сам приехал, но, пока придёт за мной машина, пройдёт немало времени. А я позвоню во второе отделение – они мигом примчат через гору, им тут совсем рядом!

– Вы не волнуйтесь, вроде всё успокоилось. А мы их дразнить не станем, будем ждать подмогу.

Через час к лагерю скрытно подъехали две милицейские машины, которые Виктор встретил у ворот. А ещё через полчаса милиционеры вели под конвоем всех пятерых налётчиков. Они были в наручниках.

* * *

Приём в партию был последним вопросом заседания. После голосования многие члены

парткома подходили к Виктору и крепко жали ему руку, желали удачи.

Когда в кабинете вместе с Виктором остались только директор, парторг и председатель шахткома, Маркин сказал:

– Видишь, Виктор, какие изменения в твоей жизни происходят? В основном положительные, а это значит, что ты идёшь по жизни верным курсом. Ещё в прошлом году тобой интересовались в горкоме комсомола на предмет перехода на постоянную работу в аппарат. Мы не возражали, но попросили год отсрочки, чтобы ты закрепил достижения своих комсомольцев, подготовил себе достойную смену, наконец, чтобы получил именно у нас партийный билет. А это показатель работы нашей парторганизации – растим достойные кадры партии! В общем, всё намеченное мы с тобой выполнили, так что теперь тебя можем благословить на новую работу!

– Но, Александр Григорьевич, – перебил парторга Михно, – ведь мы ещё отчётно-выборное собрание не провели.

– Я помню. В конце октября, аккуратно перед Днём комсомола, и проведём это собрание. И ты, товарищ Кузнецов, будешь свободен от обязанностей комсорга. Хотим избрать на твоё место Павла Лисьева. У него уже был один заход на эту должность, но тогда горком не утвердил его. А сейчас, похоже, они по-другому смотрят на него – дают добро. А ты сам-то не возражаешь? Ну и лады! И ещё. В начале декабря состоится очередная городская комсомольская конференция, где, скорее всего, будет официально озвучено предложение о переводе тебя в аппарат горкома ВЛКСМ. Только вот один вопрос возникает. Как ты, Виктор, отнесёшься к тому, что на эту конференцию ты поедешь уже вроде как разжалованный секретарь? Обид не будет, если делегацию наших комсомольцев возглавит Лисьев?

– Ни в коем случае! – твёрдо заявил Виктор. – Я всё понимаю, не ребёнок же!

– Вот и хорошо, Виктор Егорович, – одобрил его слова молчавший до сих пор директор. – Амбиции и лишний гонор могут только помешать серьёзному делу. Там, кажется, имеют перспективу видеть тебя на месте второго секретаря. Так, нет, Александр Григорьевич?

– Да, так мне Быков говорил. Только у них какая-то задержка получается с запросом из Москвы, но это только на два-три месяца, не больше. Главное, что вопрос решён в принципе. Вот так,

глядишь, товарищи, будет наш Витя Кузнецов когда-нибудь большим руководителем, вспомнит этот наш партком и улыбнётся. Ну а пока он в горкоме с бумагами повоюет, узнает структуру комсомола города, будет готовить комсомольцев городских к новым трудовым подвигам.

И уже совсем серьёзно Брагин продолжил свой наказ:

– Смотри, Виктор, не потеряйся на новом прищце. Шахтёры тебя приняли и поняли, я думаю, и в партийно-комсомольской работе ты себя найдёшь. Возраст у тебя самый подходящий для хорошего старта. Кстати, я ведь тоже ухожу с шахты в будущем году. Предложение давно поступило – зовут на повышение, а раз зовут – надо идти! Потом, глядишь, лет через десять – двадцать где-нибудь встретимся, вот тогда и доложишь, как жил, что делал. А может быть, мне придётся тебе докладывать, если высоко заберёшься, у нас ведь всякое бывает! Но одно учти: у меня память хорошая и я долго собираюсь жить! Я ведь спортсмен по жизни: лыжи, бег, борьба...

– Я тоже спортсмен, Виктор Евгеньевич, только я футболом занимался и боксом...

– Ведь этот наш спортсмен, Виктор Евгеньевич, в шестьдесят девятом насильника одним ударом в нокаут отправил! – вставил Михно. – Расстреляли того злодея!

– Туда ему и дорога, чтобы хорошим людям жить не мешал! Тогда ты не подкачал, этим летом проявил себя достойно в пионерском лагере, за что тебе в горотделе милиции на День комсомола должны вручить почётную грамоту и денежную премию. Заслужил! Особая благодарность тебе, что детей уберёг от бандитов, в том числе и дочку мою. В таких делах и закаляется мужской характер. А шахту и своих товарищей не забывай, потому как именно с ними ты рос и мужал, они твой тыл, крепкий, надёжный тыл!

Комсомольская отчётно-выборная конференция на этот раз прошла совсем по-домашнему. Не было гостей из горкома, не было и директора: в объединении шло какое-то совещание. Выступив с небольшим отчётным докладом, Виктор предложил комсомольцам избрать комсоргом на новый отчётный период Павла Лисьева. По одобрителю гулу, прошедшему по залу, стало ясно, что эта кандидатура нашла у молодёжи поддержку.

Сразу после праздника Виктор намеревался передать Павлу все документы, но рано утром,

как раз в день рождения комсомола, его на скорой помощи доставили в больницу Нового Горodka – аппендицит. Прикованный к больничной койке, он пропустил городскую конференцию и потом ещё неделю пытался освоить ходьбу с тростью, которую ему доставили прямо в палату по распоряжению Михно. А ещё была передана просьба сразу после выписки из больницы появиться на шахте, чтобы наконец передать дела новому комсorghу.

Прямо в больницу замполит горотдела милиции доставил почётную грамоту в красивой рамке и конверт с премией, которые и вручил Виктору в присутствии больных и врачей.

На следующий день после выписки Виктор явился на шахту и больше часа ходил по кабинетам, пожимая руки товарищам, принимая пожелания скорейшего окончательного выздоровления. Потом они с Павлом засели за работу. А сразу после обеда в кабинете раздался звонок, приятный женский голос попросил к телефону Виктора Кузнецова.

– Виктор Егорович, завтра в десять часов Виктор Николаевич хочет встретиться с вами в горкоме комсомола, познакомиться ближе и обсудить некоторые важные вопросы.

– Понял, буду! – выпалил Виктор.

Павел, который сидел рядом и слышал весь разговор, прямо заявил:

– Пойдёшь к нему – назад не вернёшься!

– Ох как страшно говоришь, будто на смерть посылаешь!

– Да нет, Витя, я к тому это говорю, что сегодня мы с тобой дела здесь закончим – бери свои вещи, обойди ещё раз руководство, попроси по-доброму, а завтра – в горком! Потом тебе будет уже некогда да и незачем сюда возвращаться – сколько там, всего неделя останется до Нового года? Да не забудь взять в отделе кадров трудовую книжку. А вообще, Витёк, работалось с тобой легко, дай бог и на будущее сохранить такие отношения. Только ты теперь будешь смотреть на нас с немалой горки. Но сильно-то не зазнавайся, а то приедем всем комитетом и шею намоем прямо в твоём горкоме! – И он громко рассмеялся своей шутке, а потом, посерьёзнев, добавил: – Давай-ка навалимся на бумаги – и ступай по кабинетам. Прощаться надо по-доброму...

С каким-то новым, ранее неведомым чувством переступил Виктор накануне нового, тыся-

ча девяносто седьмидесять четвёртого года порог городского комитета ВЛКСМ. Десятки, если не сотни раз бывал он здесь по разным вопросам, но сегодня шёл совсем с другим настроением: с таким чувством человек идёт, когда знает, что здесь его ждут, что здесь будет его дом, его крепость.

Миновал кабинет заведующего учётом, он смело открыл дверь к Просину:

– Здравствуй, Виктор Иванович! Прибыл по вызову.

– Что прибыл – хорошо, но вызывал тебя не я, а первый – Виктор Николаевич. Раздевайся, обогрейся, ещё есть пятнадцать минут – заодно и покалякаем. А усы-то у тебя какие роскошные! Ты что же, на «Песняров» хочешь походить? Отрастишь их до самого подбородка?

– Нет, не хочу. Когда они болтаются где-то у шеи – некрасиво, какая-то обречённость в таких усах: усы отпустил – руки опустил!

– Ну так ты их, как у Будённого, вверх закручивай. Глядишь, на день рождения тебе и саблю подарят!

– До маршальских усов я не дотяну, шерсти на голове не хватит... Да ведь я их для чего отрастил-то?

– Как для чего? Для красоты, наверное. – И Просин весело хохотнул. – Тут все городские комсомолочки на них будут заглядываться и враз женят тебя!

– Пусть попробуют только! Тебя же не женили! А помнишь наш разговор четыре года назад? Все твои советы я обещал наматывать на ус. Вот и отрастил их, а теперь наматываю на них все твои мудрости и премудрости!

– Ах ты, чертяка! Сколько лет прошло, я уже и забыл про тот разговор. Ладно, Виктор, время подходит, ступай к Виктору Николаевичу. А я тут закончу всю эту бумажную волокиту да потом буду сдавать тебе дела.

– Мне? Меня что, заворгом сюда берут? – В голосе Кузнецова звучало некоторое разочарование.

– Ладно, поперёд батьки в пекло не лезь. Первый тебе всё объяснит.

– Проходи, проходи, Виктор Егорович! – Голос первого секретаря звучал по-доброму, заинтересованно. – Как здоровье? Мы прослышали, что тебя подрезали немного? Ну да это не смертельно, вон уже без тросточки ходишь, на своих ногах. Садись – говорить будем!

Сжато и по-деловому Быков объяснил задачу, которую придётся решать Виктору в первое время в аппарате горкома:

– Хотим назначить тебя вторым секретарём – будешь отвечать за работу комсомольцев на промышленных предприятиях города. Сергея, нашего второго, приглашают в Москву, да из-за праздников всё чуть откладывается – на месяц, на два. А ты пока примешь дела у Просина,ознакомишься с карточками, с другой документацией, в общем, поработаешь на земле, узнаешь жизнь городского комсомола изнутри. А как только Москва отзовёт Сергея, заступишь на его место. Как с жильём?

– Комната в общежитии на Новом Городке...

– Далековато. Я думаю, сразу после праздника мы этот вопрос решим: тоже комната, но уже со всеми удобствами, горячей водой! На Новом-то Городке горячую воду берёте из батарей?

– Да, есть такие умельцы, сделали как могли.

– Пока не женат, поживёшь в общежитии. А как женишься – сыграем комсомольско-молодёжную свадьбу и дадим ордер на двухкомнатную квартиру, как говорится, на перспективу.

– Спасибо, это заманчиво...

– Что-то хочешь спросить? – Увидев, что его собеседник замялся с вопросом, первый живо поинтересовался: – В шахту-то не тянет? Ты же вроде горный инженер?

– Знаете, первое время сильно хотелось, но потом работа так затянула, что про шахту стал вспоминать меньше.

– Оно и понятно: живая работа всегда интереснее. Но если вдруг всё же потянет в забой, всегда сможешь туда вернуться, только не комсоргом, конечно, а парторгом, например, инженером по технике безопасности, председателем шахткома, если тебя, конечно, рабочие выберут.

Они ведь тоже залётных не особо уважают – своих, проверенных выбирают! А если захочешь на производство вернуться, то знай, что ты за эти четыре с лишним года заметно отстал от шахтёрской жизни: техника новая поступает, новые технологии...

– И на сколько лет работы я могу рассчитывать здесь?

– Твёрдого срока нет: два-три года, может быть пять... Как проявишь себя.

– А потом?

– Потом? Хорошо, давай все вопросы на берегу обсудим. Видишь, нашего Сергея берут в Москву, но это уже высший пилотаж. В горком партии могут пригласить. В милицию.

– Меня уже приглашали.

– Да, слышан о твоих подвигах на этом поприще – молодец! Молодой, здоровый – прямая дорога в уголовный розыск, а можно и замполитом в горотдел или райотдел. Могут пригласить и товарищи из... – Он таинственно поднял указательный палец. – Комсомол всегда считался кузницей кадров для КГБ. Наконец, вон видишь здание горисполкома? Туда многие идут: кто завотделом, кто заместителем председателя, а где-то в председатели попадают. Жизнь – это большая лотерея, только играть в эту игру надо смело, в открытую и по-честному! Мой предшественник, Геннадий Нилович, возглавил комитет народного контроля – ответственная работа! Как в песне: «Молодым везде у нас дорога». Так что дерзай, Виктор Егорович, и оставь трудовую книжку и заявление в приёмной. А после Нового года приходи уже на работу, тогда и примешь дела у Просина. А то сейчас будете торопиться да ещё дров наломаете. Всё! Свободен! С наступающим Новым годом!

И он крепко пожал Виктору руку на прощание.

